

Национальная академия наук Беларуси
Институт экономики

Серия «**ЭКОНОМИКА**»
Приложение к журналу «Право и экономика»

В.С. Фатеев

**ЕВРОПЕЙСКИЕ СТРАНЫ
С ПЕРЕХОДНОЙ ЭКОНОМИКОЙ:
РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И
ПОЛИТИКА**

ДОКЛАД

подготовлен к международной научно-практической конференции
“Региональная политика Украины: научные основы, методы,
механизмы”, посвященной памяти академика АН Украины Подстригача
Я.С.

(к 70-летию со дня его рождения)
21–23 мая 1998 г., Львов (Украина)

Минск – 2000

Фатеев В.С.

Европейские страны с переходной экономикой: региональные проблемы и политика. Доклад подготовлен к международной научно-практической конференции "Региональная политика Украины: научные основы, методы, механизмы", посвященной памяти академика АН Украины Подстригача Я.С. (к 70-летию со дня его рождения) 21– 23 мая 1998 г., Львов (Украина). Серия «Экономика», приложение к журналу «Право и экономика». – Мн., 2000. 55 с.

© В.С.Фатеев 1998

© «Право и экономика» 2000

1. Введение

Очевидно, не будет преувеличением сказать, что проблемы переходной экономики в последние годы вошли в сферу профессиональных интересов представителей всех направлений экономической науки. Речь идет не только об ученых-экономистах из той большой группы стран, которая в конце 80-х – начале 90-х годов начала глубокие системные преобразования и в течение всех последующих лет решает многие сложные вопросы, с которыми мировое сообщество никогда не встречалось в прошлом. Вся мировая наука, причем, не только экономическая, занята разработкой “теории перехода” или “теории трансформации”. Однако, несмотря на то, что исследования в этой области развернулись очень широко, такой теории пока не создано [20, 379; 1, 41].

Поэтому при подготовке этого доклада автор столкнулся с задачей, решить которую в рамках темы, определенной для настоящей конференции, оказалось непросто. С одной стороны, собран и проанализирован значительный объем первичной научной информации, необходимой для обобщения практики решения региональных проблем в ряде европейских стран, экономика которых во многих публикациях называется переходной. С другой стороны, специалисты используют разные критерии отнесения экономики к переходной форме или виду, и сближение точек зрения по данному вопросу лишь только намечается. Вступая в дискуссию о сущности переходной экономики, есть опасность далеко отойти от региональной тематики. В то же время большинство современных региональных “болезней”, а также серьезные изменения в региональной политике восточноевропейских государств самым непосредственным образом связаны с характером и динамикой тех широкомасштабных преобразований, которые проводят эти страны в последние годы. По этой причине в начале все же имеет смысл рассмотреть наиболее распространенные классификации государств с переходной экономикой, а также наиболее значимые результаты реформ, полученные в этих странах к 1995–

1997 г., разумеется, не претендуя на всесторонние, исчерпывающие оценки.

2. Типология стран с переходной экономикой

В ежегодных обзорах экономического положения Европы, которые публикует Европейская экономическая комиссия (ЕЭК) ООН термин *“переходные страны”* (transition countries) используется для обозначения государств, которые ранее классифицировались как централизованно планируемые экономики Восточной Европы и бывший Советский Союз. В группу *Восточная Европа* выделены: Албания, Болгария, Венгрия, Польша, Румыния, Словакия, Чешская Республика и государства, возникшие на месте бывшей Социалистической Федеративной Республики Югославия. В группе бывших республик *Советского Союза*, которые сейчас являются независимыми государствами, проводятся различия между *балтийскими странами* (Латвия, Литва и Эстония) и остальными республиками, которые сотрудничают в рамках институтов Содружества Независимых Государств, то есть *странами СНГ* [34]. В некоторых публикациях ЕЭК, вышедших в последние годы, можно также встретить еще две подгруппы стран:

- *Центральная Европа* (центрально-европейские переходные экономики), которая охватывает Чешскую Республику, Венгрию, Польшу, Словакию (примерно с 1994 г. в нее включается и Словения);
- *южно-европейские переходные экономики* (Албания, Босния и Герцеговина, Болгария, Хорватия, Румыния, Словения, Бывшая Югославская Республика Македония и Югославия) [35, vii].

Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР) с 1994 г. издает серию ежегодных докладов с анализом основных экономических проблем и тенденций в государствах, осуществляющих переход от командной к рыночной экономике (*Transition Reports*). В этих докладах используется аналогичная классификация стран

с переходной экономикой, в которой представлены следующие группы: **Восточная Европа** (Албания, Босния и Герцеговина, Болгария, Венгрия, Польша, Румыния, Словакия, Хорватия, Чешская Республика, Союзная Республика Югославия, бывшая Югославская Республика Македония); **бывший Советский Союз** (Азербайджан, Армения, Беларусь, Грузия, Казахстан, Кыргызстан, Латвия, Литва, Молдова, Российская Федерация, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан, Украина, Эстония). Кроме того, ЕБРР осуществляет относительно самостоятельный обзор экономических преобразований по группе **балтийских государств**, а также в **СНГ** [12].

Международный валютный фонд (МВФ) регулярно выпускает прогнозы экономического и финансового положения в мире, в которых, в частности, выделяется группа **стран, находящихся в переходном периоде** (countries in transition) [22, 164]. Она охватывает несколько иную совокупность, состоящую из 28 государств Европы и Азии. Общей для всех этих стран характеристикой, послужившей для МВФ критерием выделения их в особую группу, является то, что их экономика находится в переходном состоянии от “централизованно управляемой системы к системе, основанной на рыночных принципах”. В границах европейского континента, в свою очередь, определена более узкая совокупность таких государств – **Центральная и Восточная Европа** (ЦВЕ). Страны **Закавказья и Центральной Азии**, а также **Россия** выделены в самостоятельные подгруппы (см. табл. ниже по тексту).

Эксперты МВФ признают, что существует “ряд других стран с экономическими системами, частично основанными на командных принципах, которые находятся на стадии проведения реформ, ориентированных на рынок” (Китай, Камбоджа, Эфиопия, Лаосская НДР, Вьетнам). Однако экономика этих государств имеет ряд дополнительных отличительных характеристик: более высокий удельный вес населения, занятого в сельском хозяйстве, меньший объем накопленного основного капитала и другие. Проблемы реструктуризации предприятий в них стоят не так остро, как в странах, находящихся в переходном периоде. Поэтому го-

сударства, обладающие такими характеристиками, отнесены к группе развивающихся [22, 159, 164].

Центральная и Восточная Европа	Албания	Молдова	Союзная
	Беларусь	Польша	Республика
	Болгария	Румыния	Югославия
	Босния и Герцеговина	Словакия	Хорватия
	Венгрия	Словения	Чешская
	Латвия	Украина	Республика
	Литва		Эстония
			бывшая
			Югославская
			Республика
		Македония	
Россия			
Закавказье и Центральная Азия	Азербайджан	Казахстан	Таджикистан
	Армения	Кыргызстан	Туркменистан
	Грузия	Монголия	Узбекистан

В экономической литературе используются также другие классификации стран с переходной экономикой. Некоторые аналитики считают, что в эту совокупность, наряду со всеми указанными выше государствами, необходимо включать Кубу, Анголу и Мозамбик [17, 45]. Тем не менее, следует признать, что классификации, разработанные ЕЭК ООН, ЕБРР и МВФ, являются в настоящее время наиболее обоснованными и популярными, как и выполненные на их основе многочисленные аналитические обзоры. Поэтому в этом докладе в основном используются именно они, однако, с одной оговоркой: для удобства сопоставления и анализа данных из разных источников здесь не делаются различия между группами *Восточная Европа* и *Центральная и Восточная Европа* и в них не включаются страны *бывшего Советского Союза*.

3. Первые приобретения и потери на пути к рынку

Большинство экспертов связывает начало “системных трансформаций” или “трудного пути реформ” в ЦВЕ с 1989–1990 гг., когда в государствах этой части европейского континента один за другим произошли смены политических режимов. После распада в 1991 г. СССР и СЭВ в переходный период вступили еще 15 новых независимых государств. Отмечается, что в некоторых странах (например, в бывшей СФРЮ, Венгрии, Польше) попытки реформирования экономики делались и до этого периода. Однако все они решали задачу дополнения централизованно планируемой экономики некоторыми элементами рыночного механизма и не предусматривали осуществление в комплексе всей гаммы системных преобразований (изменения политической и государственной организации общества, его демократизации, широкой либерализации экономики, существенного расширения негосударственного, в первую очередь, частного сектора и т.д.). Тем не менее, сам факт проведения в прошлом ограниченных рыночных преобразований в ряде стран Центральной и Восточной Европы используется некоторыми аналитиками как основание для вывода: “...не все страны социалистического блока к концу эпохи социализма следовали принципам централизованного планирования” [5, 87].

Далеко не все политики и экономисты питали иллюзии, что системные трансформации можно осуществить быстро и с небольшими издержками для общества. С самого начала для большинства из них было очевидным, что создание эффективной рыночной экономики потребует многие годы, а для некоторых стран и десятилетия. Тем не менее, контраст между реальностью и ожиданиями экспертов, даже тех, которых никак нельзя отнести к оптимистам, оказался более разительным. Экономические и социальные издержки переходного периода практически во всех странах рассматриваемой группы выразились в затяжном экономическом кризисе, резком ослаблении механизмов социальной защиты, росте дифференциации доходов населения, ухудшении положения в об-

ласти здравоохранения, образования, науки и культуры, росте преступности и т.д. В странах с переходной экономикой снизилась ожидаемая продолжительность жизни, возросла младенческой смертность [41; 5, 19]. Все эти и ряд других негативных явлений и процессов, имевших место на первом этапе системных трансформаций (особенно в 1990–1992 гг.), вызвало у значительной части населения рассматриваемой группы стран чувство разочарования и недовольство тяжелым бременем переходного периода [30, 16–17]. Однако следует отметить, что с появлением первых позитивных и реально ощутимых результатов проводимых преобразований укрепляются позиции сторонников рыночных реформ в тех странах, где они проводились последовательно и более решительно.

Какие основные изменения произошли в странах с переходной экономикой за последние годы? Как свидетельствуют данные, представленные в таблицах 1–3, в абсолютном большинстве государств этой группы в 1990–1992 гг. наблюдалось резкое сокращение валового внутреннего продукта и ухудшение других основных экономических показателей. В 1991 г., по данным, представленным национальными статистическими службами и приведенным в обобщенном виде в публикациях ЕЭК ООН, в группе восточноевропейских государств была зарегистрирована низшая точка падения экономической активности. В указанном году сокращение ВВП достигло самой низкой отметки в Албании (-27,7%), Хорватии (-20,9%), Чешской Республике (-14,2%), Румынии (-12,9%), Венгрии (-11,9%), Болгарии (-11,7%), Словении (-8,1%). В Польше максимальный спад экономической активности наблюдался годом раньше, когда ВВП сократился на 11,6%.

Аналогичные тенденции отчетливо просматриваются при использовании в анализе данных о валовом объеме промышленного производства. Причем, снижение последнего происходило практически во всех восточноевропейских странах значительно более высокими темпами, т.е. спад промышленного производства был более глубоким, чем в других секторах экономики. Так, в 1991 г. валовой объем производства в промышленности снизился по сравнению с предыдущим годом в Албании на 41,9%, в Хорватии – на 28,5%, в Чешской Республике – на 24,4%, в Румынии – на 22,8%, в

Болгарии – на 22,2%, в Венгрии – на 19,1%. В указанном году в группе восточноевропейских государств не было ни одной страны, в которой падение промышленного производства было бы менее, чем на 11%.

В 1992 г. экономический спад в Восточной Европе продолжал углубляться. Однако в тех странах, которые начали реформы несколько раньше, а также более энергично проводили институциональные и структурные преобразования, темпы падения, как ВВП, так и валового объема промышленного производства, существенно снизились. Польша была единственной страной, которой в указанном году удалось добиться прироста этих показателей, составившего, соответственно, 2,6 и 3,9%.

Внезапный и очень болезненный распад Социалистической Федеративной Республики Югославии, разгоревшаяся на ее территории гражданская война привели к разрушению основных экономических связей между бывшими субъектами федерации, которые оказались вынужденными искать новые рынки. В Словении экономическая ситуация в начале 90-х годов выглядела значительно лучше, чем в других бывших югославских республиках, однако, в целом группа этих стран испытала более затяжной и глубокий экономический спад (см. табл. 1–2). В некоторых из бывших республик СФРЮ в результате военных действий большая часть основных производственных фондов была частично или полностью выведена из строя.

О резком ухудшении в начале 90-х годов экономического положения в странах с переходной экономикой свидетельствуют также данные по другим показателям. Одной из наиболее серьезных “болезней”, которым оказалась подвержена национальная экономика во всех анализируемых странах, стал стремительный рост инфляции. Следует отметить, что для многих восточноевропейских государств, пытавшихся еще в прошлые десятилетия провести ограниченные экономические реформы и, в частности, ввести гибкую ценовую политику, открытая инфляция не была каким-то новым явлением. Например, в Польше появление открытой инфляции связывается некоторыми аналитиками с началом организационной реформы в 1972 г. Относительно высокая инфляция

наблюдалась в этой стране в 1982 г. В Венгрии еще со времен введения в 1968 г. нового экономического механизма постоянно происходил рост цен практически на все виды товаров и услуг. Тем не менее, до 1987 г. ежегодно в среднем цены повышались всего на 5–8% [30, 134–136].

В 1989 гг. многие страны Восточной Европы захлестнула очень высокая волна инфляции, что было отзвуком шока, вызванного либерализацией цен. В той же Венгрии индекс потребительских цен в пересчете на годовую основу в процентном выражении вырос на 17 пунктов. В большинстве других стран прирост этого показателя составил трех- и даже четырехзначную цифру, например, в бывших республиках СФРЮ (см. табл. 3). В последующие три года темпы инфляции в Восточной Европе снизились, за исключением бывшей Югославской Республики Македонии, Союзной Республики Югославии и Хорватии. Тем не менее, несмотря на очевидные успехи в проведении стабилизационной политики и достаточно жесткие меры, предпринятые с целью ликвидации избыточной денежной массы, до 1994 г. ни одно из государств этой части европейского континента не смогло ограничить годовой прирост потребительских цен однозначным числом (в процентах). В последующем большинство стран рассматриваемой группы показало на практике возможности борьбы с ростом цен в условиях переходной экономики, однако, во многих из них инфляция все еще продолжает оставаться серьезной проблемой. По мнению экспертов ЕБРР, в 1998 г. достаточно высокие темпы роста потребительских цен сохраняются в Румынии, Болгарии и Албании [12, 140].

По сравнению с отмеченными выше кризисными явлениями и процессами, явная безработица затронула Восточную Европу с некоторым опозданием. Причем, пик ее роста в большей части стран, расположенных в этой части континента, приходится на разные годы. Анализ данных об уровне безработицы по странам за 1990–1996 гг., приведенных в Обзоре экономического положения Европы ЕЭК ООН, показывает, что в 1992 г. на национальном уровне его максимум был зарегистрирован в Венгрии (12,3%) и Хорватии (17,8%). В следующем году самого высокого за указанный период уровня безработицы достигли: Польша (16,4%), Бол-

гария (16,4%), Словения (15,5%), Албания (14,0%) и Чешская Республика (3,5%). В 1994 г. наивысшей точки достигли еще две страны: Словакия (14,8%) и Румыния (10,9%) [34, 229]. Если в государствах “Вышеградской группы” в последующие годы положение на рынке труда несколько стабилизировалось, рост безработицы прекратился, а в некоторых из них наметилась слабая тенденция к ее снижению, то в других частях Восточной Европы наблюдается достаточно пестрая картина. Результаты анализа позволяют предположить, что в течение ближайших лет безработица будет оставаться одной из основных причин “головной боли” правительств многих из рассмотренных выше государств.

Анализ по странам – бывшим республикам СССР показывает, что практически все они столкнулись с теми же проблемами, о которых сказано выше. Однако процессы, связанные с реформированием в прошлом единого народнохозяйственного комплекса, разделившегося на многие части, имели существенные отличия. Во-первых, непосредственный “старт” процесса перехода от централизованно планируемой к рыночной экономике в этой группе стран был дан несколько позже (в 1991–1992 гг.).

Во вторых, у бывших союзных республик не было того опыта ограниченных рыночных преобразований, который приобрели многие восточноевропейские страны в 60-х – 80-х годах. Большая часть бывших республик СССР вообще не имела в прошлом собственной государственности и, следовательно, опыта самостоятельной государственной экономической политики.

В-третьих, избранные странами этой группы модели социально-экономических и политических преобразований резко отличались не только от программ реформирования восточноевропейских стран, но и между собой (по приоритетам, срокам выполнения и т.д.). Многие из бывших союзных республик в начале 90-х годов только декларировали начало радикальных преобразований, не имея перед собой ясных целей и не определившись в стратегии их достижения.

В-четвертых, большинство новых независимых государств, появившихся на территории бывшего СССР, объединяла не только более поздняя разработка национальных программ реформирова-

ния экономики, но и более противоречивый, недостаточно последовательный характер их реализации.

Наконец, в-пятых, как уже отмечалось ранее, большинство стран Восточной Европы претендует на вступление в ЕС, которое обусловлено рядом достаточно жестких условий в области проведения институциональных, структурных и иных преобразований. Таким образом, Европейский союз выступил неформальным координатором, который, косвенно, а во многих случаях и явно определял характер и сроки проведения реформ во многих восточноевропейских государствах. Следует признать, что преобладание очень сильных дезинтеграционных тенденций на территории бывшего СССР в первые годы после его распада, обусловило относительно низкую эффективность координации реформ на супранациональном уровне (в рамках СНГ и других межгосударственных образований).

По отмеченным выше причинам при анализе динамики основных экономических показателей внутри большой группы стран бывшего Советского Союза прослеживается меньше общих тенденций, чем в группе Восточная Европа. Исключение, пожалуй, составляет подгруппа балтийских государств. Схожие изменения в основных экономических показателях Латвии, Литвы и Эстонии во многом были обусловлены более тесной координацией национальных программ реформирования экономики этих стран на межгосударственном и межправительственном уровне, причем как между собой, так и со странами Западной Европы. Все три отмеченных государства активно, очень часто совместными усилиями, проводят политический курс на интеграцию с различными западноевропейскими структурами.

Как свидетельствуют данные таблиц 1–3, в балтийских странах примерно в одни и те же годы национальными статистическими службами были зафиксированы экстремальные отметки изменения основных экономических показателей. Так, в 1992 г. по всем странам этой подгруппы наблюдалось максимальное сокращение ВВП, которое в процентах к предыдущему году составило: в Латвии – 34,9%, в Литве – 39,3%, а в Эстонии – 14,1%. В этом же году во всех указанных странах были зарегистрированы максимальные

темпы роста потребительских цен. С разрывом в один год (в 1992 – 1993 гг.) балтийские государства преодолели самую низшую за период с 1989 по 1996 годы точку спада промышленного производства.

По странам СНГ такого синхронизма в проведении экономических преобразований не наблюдалось. Данные по отмеченным выше показателям свидетельствуют о том, что в большинстве государств этой группы ухудшение экономического положения имело более затяжной, а по некоторым странам – более глубокий и дискретный характер. Например, в Армении, Грузии, Таджикистане, Туркменистане в отдельные годы анализируемого периода ВВП сокращался такими быстрыми темпами, которые не были характерны ни для одной страны Восточной Европы, даже для государств – правопреемников СФРЮ, втянутых в гражданскую войну. В ряде стран СНГ спад промышленного производства имел очень высокие темпы на протяжении трех и даже четырех лет подряд. В период с 1992 по 1994 годы во всех без исключения странах СНГ был зарегистрирован годовой прирост потребительских цен, который в процентах исчислялся четырехзначным числом.

В качестве одного из наиболее ярко выраженных позитивных процессов, характерных для абсолютного большинства стран с переходной экономикой, можно отметить рост доли сектора услуг в валовом внутреннем продукте. Тем не менее, и по этому показателю четко просматриваются существенные различия по странам. Данные таблицы 4 свидетельствуют о том, что наиболее ощутимых успехов в развитии этого сектора добились Словакия, Эстония и Казахстан, которым удалось за период с 1991 по 1996 годы увеличить удельный вес сектора услуг с 34,2–35,5% до 60,2–63,4% от объема ВВП. К середине 90-х годов примерно такой же доли услуг в ВВП достигла также Венгрия, однако, следует принять во внимание, что в этой стране рассматриваемый сектор был уже достаточно развит до начала переходного периода. В настоящее время многие восточноевропейские государства озабочены не только (а часто и не столько) количественными параметрами, характеризующими развитие услуг, сколько совершенствованием структуры,

расширением спектра и повышением качества предоставляемых услуг.

Оценивая изменения за весь период с 1989 по 1996 г. по европейским странам с переходной экономикой, можно отметить ряд позитивных результатов. В большинстве государств к настоящему времени удалось резко снизить уровень инфляции, ликвидировать хронический товарный дефицит, существенно расширить выбор потребителей и производителей в принятии ими решений. Наведение порядка в денежно-кредитной системе позволило многим странам обеспечить сокращение бюджетных дефицитов, добиться внутренней конвертируемости валют. Динамичное развитие получил частный сектор, который обеспечивает все более широкий выбор товаров и услуг, конкурентоспособных не только на внутренних рынках, но и на международном. По данным ЕБРР, к середине 1997 г. удельный вес частного сектора в ВВП отдельных стран достиг: в Албании, Венгрии и Словакии, Чешской Республике – 75%, в Армении, Грузии, Казахстане, Киргизии, Латвии, Литве, Польше, Румынии, России, Эстонии – от 55 до 70%. Значительно менее ощутимых успехов в развитии частного сектора добились Беларусь, Таджикистан и Туркменистан, где значение указанного показателя колеблется в пределах от 20 до 25 % [12, 14].

Таким образом, страны анализируемой группы прошли достаточно большой путь в проведении экономических преобразований и “заложили прочный фундамент рыночной экономики”. Тем не менее, можно согласиться с мнением, что капитализм в странах с переходной экономикой до сих пор *“...переживает пору своего младенчества: растет быстро, но еще не достиг зрелости и демонстрирует беспокойный характер”* [4, 18]. Вполне очевидно, что не все отмеченные выше страны имели одинаковые успехи в области рыночных реформ. Поэтому примерно с середины 90-х годов в экономических обзорах многих международных организаций и финансовых институтов в группе государств с переходной экономикой стали выделяться еще две подгруппы:

- страны, находящиеся на продвинутых стадиях перехода (или более продвинутые переходные страны);

- страны, находящиеся на менее продвинутых стадиях перехода (или менее продвинутые переходные страны) [21; 12, 21]. Например, ЕББР к первой подгруппе относит Чешскую Республику, Венгрию, Польшу, Словакию, Словению, а также балтийские государства. Во вторую выделены 17 стран, в том числе: Албания, Босния и Герцеговина, Болгария, бывшая Югославская Республика Македония, Румыния, а также все страны СНГ.

4. Региональная дифференциация: дискуссии, мнения, оценки

Выше уже было отмечено, что в конце 80-х – начале 90-х годов далеко не все политики и экономисты, как на Востоке, так и на Западе, считали, что переход от централизованно планируемой к рыночной экономике можно осуществить быстро и с небольшими издержками для всех вступивших на этот путь стран. Однако представляется, что масштабы и характер воздействия намечаемых реформ на региональное развитие в процессе их подготовки все же не были оценены по достоинству. Как показали последующие события, радикальные преобразования на национальном уровне уже на старте реформ сопровождались ростом региональных диспропорций практически во всех странах с переходной экономикой, в том числе и в государствах Центральной и Восточной Европы. В частности, скрытое накопление в течение прошлых десятилетий избыточной рабочей силы с началом либерализации экономики привело к появлению и быстрому росту явной безработицы. Причем, разница между максимальным и минимальным значениями ее уровня по регионам увеличивалась. Например, в 1990 г. в Болгарии уровень безработицы в разных частях страны колебался в интервале от 1,0 до 2,4%, в Венгрии – от 0,3 до 2,0%. В 1993 г. минимальные и максимальные значения по данному показателю уже составляли, соответственно, в Болгарии – 8,8 и 20,9%, в Венгрии – 9,8 и 22,5% (см. таблицу 5).

Аналогичные изменения, однако, с некоторой задержкой во времени, были характерны для большинства государств – бывших республик СССР.

Обзор книг и статей по региональной проблематике показывает, что существуют самые разные, порой противоположные, оценки того, насколько остро встали региональные проблемы в странах с переходной экономикой. В одних публикациях пищу для споров дают результаты исследований, основанные на использовании разных статистических показателей и методик для количественной оценки региональных различий, сложности межстрановых сопоставлений данных, связанные с особенностями административного деления государств, в частности, неодинаковыми размерами сравниваемых территориальных единиц, и т.п. В других источниках, как правило, опубликованных западноевропейскими аналитиками, региональные проблемы стран с переходной экономикой рассматриваются с позиций их влияния на процесс расширения Евросоюза в восточном направлении и связанной с этим дополнительной нагрузкой на бюджет ЕС, причем, учитываются не только экономические факторы, легче поддающиеся количественной оценке, но и политические мотивы. В связи с этим в отдельных случаях, правда, таких немного, обострение региональных проблем в рассматриваемой группе стран вообще подвергается сомнению или оценивается как вопрос, не заслуживающий серьезного обсуждения.

Рассмотрим более подробно позиции некоторых международных организаций и отдельных авторов.

Одной из первых крупных публикаций, в которых было обращено внимание на рост региональных диспропорций в рассматриваемой в этом разделе группе стран, был обзор *“Перспективы занятости”*, выпущенный в 1992 г. ОЭСР. В нем на основе сравнительного анализа данных по статистике труда в европейских государствах был сделан вполне определенный вывод, о том, что “степень регионального расслоения по уровню безработицы в Центральной и Восточной Европе в сравнении с западными стандартами значительно выше... и в определенной мере выросла с начала процесса перехода” (цит. по [24, 121–122]).

Этот обзор, стал предметом активного обсуждения специалистов из разных стран. Приведенные в нем статистические показатели, дополненные более поздними данными, были использованы во многих других источниках как доказательство очевидности факта роста региональных проблем в странах с переходной экономикой в начале 90-х годов. В частности, в достаточно известной коллективной работе, опубликованной сотрудниками Всемирного банка и учеными из Лондонской школы экономики и политологии¹, Д.Фретуэлл и Р.Джекман на основе анализа различных статистических индикаторов (средней арифметической, дисперсии, коэффициента вариации и др.), рассчитанных с использованием данных из указанного выше обзора, пришли к выводу: "...разброс уровней безработицы по различным регионам в странах Центральной и Восточной Европы значительно больше, чем во многих странах Западной Европы; это, с одной стороны, отражает относительно более мелкое административное деление, а с другой, что гораздо важнее, – большую концентрацию производства" [5, 231].

Тем не менее, один из соавторов указанной выше работы, Р.Джекман, в своей более поздней статье, посвященной оценке вероятности и масштабов некоторых негативных для бюджета Европейского Союза последствий намечаемого расширения ЕС на Восток, высказывает точку зрения, которая в значительной мере отличается от изложенной выше. Так, уже в самом начале своего краткого анализа региональных диспропорций внутри Восточной Европы этот автор утверждает следующее: "Политическая фрагментация, которая последовала за крушением коммунистических режимов, превратила Восточную Европу в исключительно большое число очень маленьких государств, как с точки зрения численности населения, так и по площади земли, внутри которых **мало смысла вести речь о проблемах, связанных с региональной политикой**" [24, 120] (*примечание*: выделено автором – Ф.В.).

¹ Книга "Рынок труда и социальная политика в Центральной и Восточной Европе: переходный период и дальнейшее развитие" дважды издавалась на английском (в 1994 и 1997 гг.) и переведена на русский язык [5].

Р.Джекман отмечает беспокойство (и даже страх) ряда специалистов, которые считают, что преодоление трудностей регионального порядка может стать одной из самых неподатливых для решения проблем переходного периода. Однако свою собственную позицию он обосновывает следующим аргументом: “Несмотря на эти страхи, пока региональная проблема в значительной степени предстала в образе собаки, которая не лает. Среди сотен статей, книг, конференций, которые написаны и проведены на основе опыта бывших социалистических стран Восточной Европы, немногие посвящены региональным проблемам или региональной политике, по крайней мере в том общепринятом смысле расхождений в значениях разнообразных измерителей экономического благосостояния... В тех немногочисленных работах, в которых анализируются причины безработицы или перспективы рынка труда в восточноевропейских странах, содержатся более чем пассивные упоминания региональных проблем” [24, 122].

Одним из факторов, которые вызвали, как предполагает Р.Джекман, обеспокоенность ростом региональных проблем в европейских странах с переходной экономикой, является неправильное истолкование статистических данных и показателей при проведении регионального анализа. В отличие от западноевропейских государств, регионы в странах Восточной Европы в среднем имеют значительно меньшие размеры по численности населения, и уже сам этот факт влияет на используемые в статистике различные показатели вариации. Для подтверждения своего вывода этот автор приводит расчеты, выполненные на основе статистических данных по Польше: в 1991 г. уровень безработицы по польским воеводствам, которых, как известно 49, находился в пределах от 4,5 до 21,9%. Однако, если разделить эту страну на девять территориальных единиц, то уровень региональной безработицы в этом году колебался в более узких границах – от 8,3 до 16,4%. Тем не менее, и в этом случае положение с региональной безработицей в Польше значительно хуже в сравнении с большинством стран Западной Европы. Как уже было отмечено выше, сравнение данных за 1991–1993 гг. по ряду стран ЦВЕ показывает, что средний уровень безработицы резко вырос во всех государствах, за исключе-

нием Чешской Республики, где рост данного показателя был относительно умеренным. Увеличился и абсолютный разброс по уровню региональной безработицы. Тем не менее значения коэффициента вариации остались приблизительно такими же [24, 123].

М.Ингхэм и К.Грайм из Института европейских исследований (Манчестер, Великобритания) также обращают внимание на проблему количественной оценки региональной дифференциации по уровню безработицы. Согласно их данным (см. табл. 5), к 1993 г. разность в уровне безработицы в благополучных и наиболее пострадавших от кризиса регионах по всем странам ЦВЕ, за исключением Чешской Республики и Румынии, превысила 10%. Однако колеблемость региональной безработицы относительно среднего по каждой стране уровня, измеренная с помощью коэффициента вариации, не только не изменилась, а даже снизилась везде, кроме Чешской Республики. Например, в Венгрии за три года коэффициент вариации, судя по расчетам М.Ингхэма и К.Грайма, снизился почти в два раза (с 54,92% до 29,02%) [23, 813].

Указанные авторы понимают, что столь противоречивые результаты, полученные на основе изучения данных по двум показателям, не позволяют сделать более-менее определенных выводов о том, насколько остро встала проблема региональной безработицы в странах ЦВЕ. Поэтому они расширили границы своего исследования, рассмотрев данный вопрос в более широком контексте: во взаимосвязи с другими процессами, происходящими на региональных рынках труда в этой группе государств, а также с использованием сравнений со странами с развитой рыночной экономикой. В частности, М.Ингхэм и К.Грайм показывают, что рост безработицы сопровождается быстрым увеличением ее продолжительности. В некоторых странах ЦВЕ удельный вес лиц со статусом безработных более одного года в общей их численности уже достиг либо превысил аналогичные показатели западноевропейских стран. Так, в 1993 г. в Словакии этот индикатор был зафиксирован на уровне 50,6%, в Румынии – 40,7%, а в Великобритании – 36,9%. Положение осложняется также тем, что длительная безработица носит “регионально концентрированный” характер, т.е. в наиболее пострадавших от кризиса ареалах доля лиц, не имеющих работу

более года, выше, чем в относительно благополучных регионах. Население стран Центральной и Восточной Европы в среднем имеет более низкий уровень накоплений, чем на Западе, поэтому длительная безработица является для него более весомым бременем. В то же время в большинстве стран ЦВЕ наблюдается тенденция к снижению размеров пособий по безработице по отношению к средней заработной плате. В дополнение к этому сама заработная плата в реальном исчислении с начала переходного процесса также значительно снизилась. Это объясняется финансовыми трудностями, которые испытывают в настоящее время правительства всех стран с переходной экономикой.

Все эти свидетельства, по мнению М.Ингхэм и К.Грайм, “не дают оснований для оптимизма” и приводят их к заключению о том, что в странах ЦВЕ “...абсолютная дифференциация между регионами выросла и продолжает оставаться неприемлемо высокой. Тем не менее, до сих пор ни одно правительство в этой части (континента – прим. Ф.В.) решительно не повернулось к региональным проблемам. Упорное непризнание этих проблем, в союзе с неспособностью помешать тому, что существование в переходном состоянии будет значительно более продолжительным, чем предполагалось первоначально, создает угрозу, опасность которой игнорируется правительствами и на Востоке, и на Западе” [23, 816–817].

Как видно из приведенного выше, разные специалисты, анализируя одну и ту же проблему региональной безработицы в странах ЦВЕ, причем, примерно за один и тот же период времени, приходят к противоположным выводам, что, на мой взгляд, требует дополнительного комментария. Р.Джекман вполне справедливо обращает внимание на “дефицит” публикаций по региональной тематике, образовавшийся в данной группе стран в начале 90-х годов. Однако, во-первых, отсутствие публикаций само по себе еще не может быть доказательством отсутствия региональных проблем. Необходимо учитывать тот факт, что в этот период практически во всех переходных странах наука была одной из тех сфер экономики, которая в наибольшей мере пострадала от кризиса. Затраты на науку, а также занятость в этой сфере существенно сократились.

Например, в Болгарии с 1988 по 1994 гг. доля расходов на НИОКР в ВВП снизилась с 2,5 до 0,9%, а численность занятых в науке и научном обслуживании за период с 1989 по 1995 гг. уменьшилась с 97,4 до 30,3 тыс. человек [36]. В Беларуси, по данным Министерства статистики и анализа РБ, с 1990 по 1995 гг. численность работающих в указанной сфере сократилась со 102,6 до 45,7 тыс. человек. Научоемкость ВВП Беларуси уменьшилась примерно в три раза: с 2,27% в 1990 г. до 0,84% в 1996 г. Это привело к снижению общего количества и изменению в структуре научных публикаций. В частности, восточноевропейские экономисты в своих работах вынуждены были акцентировать внимание на самых острых вопросах, с которыми столкнулись их страны, в основном из области макроэкономики (проблемы инфляции, обеспечения устойчивости платежного баланса, привлечения инвестиций и т.п.).

В те годы региональная экономика как бы ушла на второй план. Тем не менее, она находилась в тени не столь долго. Анализ национальных докладов о человеческом развитии, подготовленных в 1995–1997 гг. в большинстве стран с переходной экономикой в рамках Программы развития ООН и при финансовой поддержке этой организации, показывает, что обострение региональных диспропорций является одним из очень серьезных препятствий в обеспечении устойчивого развития этих государств в перспективе (см.: [36–44 и др.]). К этому времени также возросло количество научных конференций, печатных работ по проблемам регионального развития в странах с переходной экономикой, в том числе несколько книг было издано в Западной Европе [8; 18; 19]. Появилось несколько крупных специализированных научных журналов по этому направлению, например, *“Регіональна економіка”* (Украина), *“Проблемы региональной экономики”* (Россия).

Во-вторых, следует принять во внимание особенности в организации региональной (территориальной) статистики в рассматриваемой группе стран, в том числе и откровенные ее недостатки, некоторые из которых и в настоящее время еще не устранены. В частности, к началу переходного периода в большинстве стран, имевших в прошлом с централизованно планируемую экономику, национальные органы статистики не осуществляли учет и анализ

ВВП в региональном разрезе. Официально не признавалась и, следовательно, не учитывалась безработица, ни явная, ни скрытая. Для большинства исследователей была “закрыта” информация, реально отражающая региональную структуру доходов и расходов населения. Необходимо отметить, что изменения в организацию трудовой статистики были внесены в этих странах достаточно быстро. Благодаря им специалисты получили более полную картину развития региональных рынков труда в ЦВЕ. Тем не менее, в статистике государств с переходной экономикой как источнике информации, необходимой для анализа на региональном уровне не только занятости и безработицы, но и многих других социально-экономических явлений и процессов, все еще остается немало “белых пятен”.

В третьих, судя по многим публикациям, среди западных специалистов, занимающихся изучением региональной безработицы в странах с переходной экономикой, очень популярным инструментом анализа является коэффициент вариации, использование которого часто ставит исследователей в тупик. Уже само сравнение описанных выше двух точек зрения показывает, что результаты расчетов по одному этому показателю не могут служить достаточным основанием для вывода о том насколько остро в любой группе государств стоят региональные проблемы вообще и, в частности, проблема региональной безработицы. Тем более, на основе таких расчетов не может подвергаться сомнению необходимость осуществления региональной политики в той или иной стране. Региональная безработица, на которую по отмеченным выше причинам больше всего обращают внимание исследователи – комплексная проблема, тесно связанная со многими другими факторами социального, экономического и даже психологического порядка.

Следует согласиться с доводом, что при оценке колеблемости региональной безработицы коэффициент вариации оказывается очень чувствительным к различиям в количестве регионов, на которые разделены государства [24, 123]. Однако не менее серьезным недостатком этого показателя является его сильная зависимость от величины средней безработицы. Это осложняет применение коэффициента вариации при анализе динамики региональной

безработицы в одной и той же стране, и, тем более, снижает его полезность в сравнениях динамических рядов по двум или нескольким странам.

В доказательство этого можно привести расчеты, выполненные автором доклада на основе опубликованных данных об изменении безработицы в регионах Великобритании в годы “великой депрессии” (взяты из работы [8, 130]). Эти расчеты показывают, что в 1929 г., когда средний по стране уровень безработицы составлял 10,4% и колебался по отдельным регионам в пределах от 5,6 до 19,3%, коэффициент вариации находился в значении 42,2%. В 1932 г. уровень безработицы в Соединенном Королевстве вырос до 22,1%, по отдельным регионам разброс этого показателя зарегистрирован в границах от 13,5 до 36,5%. В то же время коэффициент вариации существенно снизился – до 32,8%. Однако последнее обстоятельство не помешало британскому правительству именно в этот период вплотную заняться подготовкой Закона о специальных районах, с принятием которого (1934 г.) очень многие эксперты связывают начало активной региональной политики в Великобритании. Очевидно, к таким мерам правительство подталкивали не достаточно противоречивые данные по отдельным индикаторам (вполне вероятно, что коэффициент вариации даже не рассчитывался), а комплексная оценка реального положения в тех конкретных регионах страны, в которых стремительно сокращалось производство, более трети экономически активного населения не могло найти работу, а значит, и средства к существованию. Глубокий экономический кризис привел к угрозе социального взрыва, начало которого, несомненно, ожидалось в этих частях страны и могло перерасти в общенациональную трагедию.

Очень сложно провести параллель между процессами, имевшими место в конце 20-х – начале 30-х годов в Великобритании, и охватившими страны с переходной экономикой в начале 90-х годов. С помощью обычных статистических показателей вряд ли можно оценить глубину того шока, который испытало население регионов некоторых стран ЦВЕ, где еще совсем недавно практически не было явной безработицы, существовало большое предложение рабочих мест, и за 2–3 года уровень безработицы вырос прак-

тически с нулевой отметки до 20–30%. Для этого необходимы дополнительные исследования с использованием инструментария из многих социальных наук. Однако можно высказать предположение, что с точки зрения психологической готовности населения к стремительному росту безработицы ситуация, сложившаяся в начале 90-х годов в отдельных регионах стран ЦВЕ, была не легче, а, возможно, и сложнее той, что наблюдалась в ряде западных государств в период “великой депрессии”. Население проблемных регионов Великобритании и других капиталистических стран в течение многих лет и даже десятилетий, то есть задолго до “великой депрессии”, ощущало пресс безработицы на уровне в 10 и более процентов.

В-четвертых, проблема сопоставимости отдельных показателей по странам, имеющим значительные различия в административном (административно-территориальном) делении, также существует. Поэтому вполне понятно стремление многих авторов преодолеть эту проблему с помощью различных методов приведения территориальной структуры сравниваемых государств к некому набору однородных по отдельным характеристикам регионов. Такого рода аналитические группировки могут оказаться очень полезными при обосновании необходимости совершенствования официального административного деления государств. Тем не менее, первые не могут полностью заменить установленное соответствующим национальным или федеральным законодательством административное деление, которое изменяется под воздействием очень многих объективных и субъективных факторов, причем не только экономического и политического характера, но и исторического порядка. По этой причине пример Р.Джекмана с разделением Польши на 9 регионов, на мой взгляд, не совсем удачный. Он не учитывает реальное положение, которое складывается в последние годы в этом государстве.

Недавно в правительстве Польши рассмотрен проект закона о новом административно-территориальном делении страны. Этому предшествовала многолетняя общенациональная дискуссия о целесообразности сохранения существующего деления Польши на 49 воеводств. Действительно, польские регионалисты уже давно вы-

сказываются за укрупнение воеводств. При этом обосновываются разные варианты нового административного устройства страны с разделением ее на 12–25 и более промежуточных регионов [18, 46]. Проект закона предусматривает максимальное сокращение количества воеводств – до 12 единиц. Однако результаты социологических исследований, проведенных в начале 1997 г., показывают, что за сохранение 49 воеводств выступают 43% опрошенных, за передел административной карты страны на 31 регион – 6%, на 25 территориальных единиц – 10%, на 17 – 22% и на 12 регионов – 15% опрошенного населения [2]. Каким в действительности станет новое административное устройство Польши в начале следующего века – покажет только время, но уже сейчас очевидно, что “сконструированный” Р.Джекманом вариант выглядит искусственным. Он предусматривает слишком радикальное сокращение промежуточных регионов, которое польскими специалистами, принимающими во внимание многие факторы, не рассматривается даже как гипотетическое.

Наконец, в-пятых, связывать вопрос о необходимости проведения региональной политики только с размерами государств также представляется недостаточно корректным. Более того, сама постановка такого вопроса в наше время уже не является актуальной, по крайней мере, для Европы, поскольку с 60-х годов региональная политика стала незыблемым атрибутом государственного регулирования большинства европейских стран, в том числе таких относительно небольших по площади и населению, как Бельгия, Дания, Нидерланды, Ирландия. Большую часть стран ЦВЕ по территории и численности населения также можно отнести к небольшим государствам. Тем не менее, сегодня необходимость усиления или ослабления внимания к региональной политике определяется не столько размерами государств, а тем, насколько остро в каждом из них стоят региональные проблемы. Разумеется, что в малых и больших государствах они имеют свои особенности, соответственно, и региональная политика в каждой из этих групп имеет объективные различия. Другими словами, более конструктивной представляется постановка вопроса о наличии, характере и остроте

проблем социально-экономического развития регионов в каждой конкретной стране или группе государств.

С учетом всех указанных выше обстоятельств, автор этого доклада больше склонен разделить позицию тех специалистов, которые считают, что некоторые процессы, происходящие на региональном уровне в странах с переходной экономикой, несут потенциальную угрозу дальнейшему развитию этой группы государств, поэтому они заслуживают более серьезного внимания правительств и на Востоке, и на Западе.

5. Основные тенденции в региональном развитии

Рассмотрим, какие из последних изменений вызывают особую тревогу специалистов. Многие регионалисты, изучающие территориальные, пространственные аспекты процесса становления рыночной экономики в Центральной и Восточной Европе, обращают внимание на две наиболее общие тенденции, наметившиеся в первой половине 90-х годов в этой части Европы [8, 259; 10, 76; 13, 162–164]. Одна из них проявилась в усилении социально-экономических различий между столичными городами, другими основными центрами с развитой отраслевой структурой экономики (Варшава, Прага, Братислава, Будапешт, София, Брно, Познань, Веспрем, Вроцлав, Краков, Кошице, Гданьск) и остальными частями каждой из стран. В столичных городах безработица в среднем была ниже среднего национального уровня, а темпы приватизации государственных предприятий, создания новых фирм, уровень доходов на душу населения и объемы привлечения иностранных инвестиций – значительно выше. Так, в Польше, в конце 1993 г. в среднем по стране уровень безработицы составлял 15,7%, в высокоурбанизированных районах Варшавы, Познани и Кракова были зарегистрированы самые низкие значения этого показателя – менее 10%. Практически во всех крупных польских городах (за исключением Лодзи) на рынке труда сложилась более благоприятная ситуация, чем в остальных частях страны.

Аналогичное положение складывалось в этот период в других странах Центральной и Восточной Европы. Например, в восточных областях Венгрии в указанном году уровень безработицы достиг 20%, в Будапеште данный показатель был самым низким (около 5%) [18, 70–75]. К 1995 г. разрыв между столицей Венгрии и ее периферийными районами по уровню безработицы несколько сократился, но продолжал оставаться очень значительным (в Будапеште – менее 6%, а в самом отдаленном восточном регионе Сабольч-Сатмар-Берег – 17–19%) [38].

Поляризация по оси “ядро–периферия” (или “центр–периферия”) наблюдалась даже в Чешской Республике, где безработица не стала такой серьезной проблемой, как в других государствах ЦВЕ. Ее максимальный уровень (4,4%) был зарегистрирован в январе 1992 г. Через два года соответствующий показатель в среднем по стране снизился до 3,32%, однако, в Праге он составлял менее 0,3%, а в Северной Моравии – около 7% [26, 755; 37].

Та же тенденция четко просматривалась и в государствах – бывших республиках СССР. Так, к началу 1995 г. в столице Латвии Риге безработица не превышала 2,7%, а в районе Резекне она достигла отметки в 21,9% [44]. В том же году в Таллинне удельный вес официально зарегистрированных безработных в общей численности населения трудоспособного возраста составлял менее 1,9%, тогда как в Выруском уезде – 11,5% [41]. Даже в Беларуси, где, по мнению большинства зарубежных экспертов, рыночные преобразования все еще находятся в “зачаточном состоянии” (и с этим следует согласиться), в середине 1995 г. различия между столицей и периферией по анализируемому показателю были очевидны. В этот период, судя по данным Министерства труда Республики Беларусь, в Минске уровень безработицы был самым низким (1,69%), а в Гомельской области – 3,69%. В Поставском районе Витебской области безработица достигла 8%.

Уже на старте перехода к рыночной экономике столичные города оказались в числе лидеров по привлечению инвестиций из-за рубежа. Так, в конце 1991 г. в Будапеште было сконцентрировано 57,5% от общего объема иностранного капитала, вложенного в венгерскую экономику, а также 56% всех созданных с его помо-

стью фирм. В том же году в Варшаве было сосредоточено 39,4% капитала, вложенного иностранными инвесторами в польскую экономику, а также 32,6% от общего количества фирм, созданных в этой стране с участием иностранного капитала. В Праге аналогичные показатели составили, соответственно, 45,4% и 49,0%, что свидетельствует о большей привлекательности столицы бывшей Чехословакии с точки зрения зарубежных инвесторов. Следует отметить, что в 1992 г., то есть незадолго до распада этого федеративного государства, 92,3% от общего объема иностранного капитала, вложенного в этом году в экономику ЧССР, “осело” в Богемии, и только 7,7% было размещено в Словакии. Большая часть предприятий с иностранными инвестициями, созданных в Словакии, в свою очередь, были сосредоточены в Братиславе [18, 90, 92].

В качестве второй важной характеристики изменений в пространственной структуре экономики государств ЦВЕ многие эксперты называют рост диспропорций в социально-экономическом развитии западных и восточных регионов [8, 259; 13, 164; 37]. В первых, как правило, быстрее налаживаются экономические связи с западноевропейскими партнерами, наблюдается интенсивный рост новых конкурентоспособных производств. В западных регионах стран ЦВЕ в среднем ниже уровень безработицы. Однако анализ показывает, что в некоторых странах региональная дифференциация по отдельным показателям отчетливо просматривалась и в направлении “Север–Юг”. Например, сравнение картограмм, представленных на рисунках 2 и 3, позволяет сделать вывод о том, что в Польше по уровню безработицы на протяжении ряда лет сохраняется асимметрия между северными и южными воеводствами. В Болгарии, судя по данному и некоторым другим показателям трудовой статистики, также можно сделать вывод о том, что в северных регионах (Монтана и Русе) проблемы использования трудовых ресурсов стоят более остро, чем в других частях страны [36].

Отмеченные выше наиболее общие тенденции, связанные с поляризацией по осям “ядро–периферия”, “Запад–Восток” и “Север–Юг”, были тесно взаимосвязаны с обострением других региональных проблем, которые внесли свои коррективы в территориальную организацию экономики каждой из стран и группы в целом. В ча-

стности, кризис в наибольшей мере затронул узко специализированные промышленные районы и отдельные центры с недостаточно развитой отраслевой структурой, в которых исторически мало уделялось внимания диверсификации производства. Среди них регионы с высокой территориальной концентрацией производства отраслей горнодобывающей промышленности (добычи и обогащения угля, рудного сырья для черной металлургии), а также многие центры тяжелого машиностроения, металлургической и оборонной промышленности. Например, в Чешской Республике в таком положении оказались промышленные центры Кладно, Острава, Пршибрам и Всетин, в Польше – Катовице, Лодзь и Валбжих, в Словакии – Бардеёв, Дольни Кубин, Лученец, Римавска Собица, в Венгрии – регионы Баранья и северный Нograd. Аналогичная ситуация сложилась в ряде северных промышленных районов и центров Словении, Боснии и Воеводины, экономика которых до распада СФРЮ главным образом опиралась на добычу и переработку железной руды и нефти [8, 260; 10, 74; 40]. Общим для всех этих регионов и центров является ярко выраженная зависимость от экономического состояния предприятий одной–двух отраслей промышленности. Поэтому в работах по региональной экономике за ними закрепились такие названия, как “моноотраслевые”, “монофункциональные” или “моноструктурные” промышленные регионы, “региональные промышленные моноструктуры”, “города-заводы” и т.п. [15, 41; 18, 125; 23, 812; 28, 763].

Существует еще одна особенность, которая может служить дополнительной характеристикой социально-экономических противоречий между центральными и периферийными регионами в странах ЦВЕ. На переходном этапе в тяжелом положении оказались не только узко специализированные промышленные районы, но и территориальные единицы, в структуре экономики которых значительную долю занимает аграрный сектор. В Румынии такими кризисными ареалами стали: вся периферия на юге и юго-востоке (на границе с Болгарией), а также северо-западная часть ее национальной территории, граничащая с Венгрией. В Болгарии проблемные территории преимущественно аграрной специализации находятся вдоль северных и юго-восточных границ с Румынией и

Турцией. В бывшей Югославской Республике Македония практически все регионы, расположенные на рубежах с Грецией, сильно зависят от аграрного сектора [15, 26–29]. В сельскохозяйственных регионах Словакии, большая часть которых находится в восточной и южной части страны, безработица в середине 1994 г. превышала 20%, тогда как в среднем по стране ее уровень составлял чуть выше 14%, а в отдельных западных и северо-западных районах – не более 10% (см. рис. 1).

Анализ отраслевой структуры экономики показывает, что в Венгрии и Польше с точки зрения аграрной специализации различия между центром и периферией также присутствуют, но они не столь очевидны. Однако в каждой из этих стран существуют свои особые причины, требующие выделения их из общего контекста. В частности, в Венгрии по удельному весу занятых в сельском хозяйстве региональная дифференциация в направлении “центр-периферия” просматривается хуже, чем по другим осям, а также при сравнении с иными государствами ЦВЕ. Тем не менее, и в венгерской переходной экономике больше проблем испытывают области преимущественно аграрной ориентации, расположенные вдоль восточных и южных границ, соответственно, с Румынией и Хорватией [15, 29].

В Польше, судя по картографическим и цифровым данным, приведенным в работах Г.Гожеляка и З.Дембовской, в большинстве западных воеводств удельный вес работающих в промышленности колеблется в пределах от 20,1 до 44,4% от общей численности занятого населения, в то время как в регионах, расположенных на Востоке (вдоль границы с Беларусью и Украиной) – от 9,2 до 20,0%. В свою очередь, в восточной части страны расположены все воеводства, в которых свыше половины населения занято в аграрном секторе. В большинстве западных регионов Польши удельный вес работающих в сельском хозяйстве не превышает трети всего занятого населения [11; 18, 76]. Таким образом, налицо существенные различия в отраслевой структуре экономики восточной и западной частей страны. Тем не менее, кризисные явления и процессы, в особенности безработица, в большей степени затронули аграрные регионы, которые находятся на севере и севе-

ро-западе Польши, что объясняется, главным образом, распадом крупных государственных сельскохозяйственных предприятий, которые играли в недалеком прошлом существенную роль в аграрном секторе этой части Польши. Центральные и восточные воеводства, где всегда сохранялась значительная доля небольших частных сельскохозяйственных предприятий (в отличие от других бывших социалистических стран), оказались несколько более стойкими к потере рабочих мест [18, 61].

В прибалтийских государствах сельские, как правило, периферийные регионы в целом также испытывают более серьезные трудности, связанные с адаптацией к рыночным условиям. К примеру, в ряде юго-восточных районов Латвии, которые расположены на территории исторической области Латгалии, в начале 1995 г. безработица почти достигла 22% и превышала средний уровень по стране в три раза [44]. В Эстонии с самого начала рыночных преобразований четко обозначились два основных проблемных региона, в которых уровень безработицы в 2–3 раза выше, чем в других частях страны. Это расположенный на северо-востоке Ида-Вирусский уезд, в промышленных центрах которого сконцентрированы крупные предприятия сланцевой, оборонной промышленности, электроэнергетики, а также ряд уездов преимущественно аграрной специализации на юге и в центральной части Эстонии [41].

В некоторых европейских государствах с переходной экономикой отмечаются и другие региональные диспропорции. В частности, относительно более низкий уровень обеспеченности транспортной и другой инфраструктурой характерен для восточных территорий Венгрии (Сабольч-Сатмар-Берег) и Словакии, а также для северо-восточных воеводств Польши. В этих же регионах зарегистрированы низкие темпы приватизации государственных предприятий. Указанные два обстоятельства существенно осложняют задачу адаптации такого рода периферийных зон к новым экономическим условиям, и, с точки зрения перспектив развития, ставят их в менее выгодное положение по сравнению с другими регионами [13, 186; 18]. В то же время экологические проблемы в Центральной и Восточной Европе имеют совершенно иную пространственную ориентацию. Деградация окружающей среды в наи-

большей мере характерна для столичных городов, а также промышленных центров, в которых размещены крупные предприятия угольной, металлургической, химической и нефтехимической промышленности. Наиболее высокий уровень территориальной концентрации таких производств в зоне так называемого “черного” или “грязного треугольника”, образованного из Верхней Силезии, Северной Богемии и части Саксонии [14, 232; 35, 2].

6. Реальное и мнимое “наследие” централизованного планирования

По ряду отмеченных в предыдущем разделе причин региональные проблемы в странах Центральной и Восточной Европы в начале 90-х годов “выпали” из сферы пристального внимания не только академических кругов. Регулирование регионального развития было вытеснено из числа приоритетов экономической политики, проводимой правительствами. На этом этапе во многих странах, начавших рыночные преобразования, сильно укрепилась вера в догму о невмешательстве государства в экономику не только на национальном, но и на региональном уровне. Западноевропейские специалисты, анализируя процессы, происходящие в переходных экономиках, в частности, в промышленном секторе, очень часто ссылаются на работы своих коллег из стран ЦВЕ и отмечают, иногда с некоторым удивлением, что на Востоке широкое распространение получил лозунг: “Лучшая промышленная политика – это никакой промышленной политики”. В еще большей степени такой подход оказался популярным по отношению к региональной политике [8, 258; 23, 814].

Следует признать, что такому укреплению идей экономического либерализма применительно к региональной экономике в значительной степени способствовал ряд неудач политики развития и размещения производительных сил, проводившейся в бывших социалистических странах. Сейчас очень много спорят о том “наследстве”, которое получили эти страны из прошлых десятилетий. В условиях, когда отказ от централизованного управления приобрел

столь массовый и, в историческом плане, столь стремительный характер, существует большой соблазн возложить всю ответственность за обострение региональных диспропорций на “централистскую политику, проводимую при коммунистических режимах”, которая “содействовала концентрации экономической, социальной, политической, административной и интеллектуальной деятельности в крупных центрах” [13, 164]. Однако в поисках ответа на вопрос о том, какое “наследство” и от кого получили государства с переходной экономикой, недостаточно использовать однозначные оценки, руководствуясь самой простой формулой “черное–белое”.

Необходимо отметить, что взвешенный подход, находит все большее распространение и на Западе, и на Востоке. Многие аналитики, которые стремятся избегать крайних оценок (как правило, характерных для программных документов право- и леворадикальных политических партий и зачастую не имеющих ничего общего с результатами глубокого анализа реальных фактов), обращают внимание на ряд очень важных моментов.

Во-первых, далеко не все современные региональные проблемы в странах ЦВЕ и, разумеется, в меньшей степени в СНГ, являются “наследием коммунистических режимов”. Как отраслевая, так и региональная структура экономики любого государства в историческом плане являются достаточно консервативными образованиями. В особенности это характерно для национальных систем населенных пунктов. Немногим государствам за 40–45 лет после второй мировой войны удалось добиться неоспоримых успехов в решении своих наиболее острых проблем. К последним можно отнести отмеченное ранее сокращение диспропорций по оси “ядро–периферия”, преодоление негативных последствий роста больших, прежде всего, столичных городов, повышение конкурентоспособности экономики “моноотраслевых”, периферийных и других проблемных регионов, в особенности тех, лица которых на протяжении столетий определяли предприятия так называемых “традиционных” отраслей (сельского хозяйства, угольной, металлургической, текстильной, рыбной промышленности).

С учетом этого, очевидно, не требует каких-либо особых доказательств тот факт (в дополнение к давно приведенным историками),

что высокая концентрация экономической, социальной, политической, административной и интеллектуальной деятельности, например, в Праге, Братиславе, Будапеште, Кракове (как и в Риме, Париже, Лондоне) имеет гораздо более глубокие исторические корни. Этот процесс, во многом носивший позитивный характер не только для отдельных государств, но и для Европы в целом, в большей мере следует отнести к капиталистическому, феодальному, а в отдельных случаях – к еще более раннему наследию. Во многих европейских странах крупные центры и целые регионы текстильной, угольной и других традиционных отраслей промышленности, пришедшие после второй мировой войны в упадок, получили первый толчок в своем развитии еще в период промышленного переворота, т.е. 100–200 лет назад.

Во-вторых, нет убедительных оснований отвергать ряд положительных результатов централизованного планирования развития и размещения производства в отдельных странах ЦВЕ. Так, чешские специалисты, подготовившие национальный доклад о человеческом развитии в Чешской Республике за 1996 г., в целом критично оценивают последствия политического тоталитаризма и централизованного планирования на региональное развитие в бывшей Чехословакии. Тем не менее, они признают, что усилия, предпринятые в этой стране с 1961 по 1991 гг. с целью ограничения развития наиболее крупных центров концентрации производства и населения, были достаточно успешными в отличие от подобных попыток, имевших место в других социалистических странах. В указанный период наблюдалась тенденция сокращения различий на региональном уровне. В подтверждение этого вывода авторы доклада отмечают, что в те годы удельный вес четырех основных регионов (Праги, Северной Богемии, Брно и Остравы, охватывающих 13 районов) в общей численности населения Чехословакии увеличился всего с 30,2% до 31,6%. Это очень незначительно по сравнению с теми изменениями, которые наблюдались в 20-х годах. С 1921 по 1930 гг. (отметим, за более короткий период) рост удельного веса указанных регионов был более ощутимым – с 22,9% до 25,3%. В течение трех десятилетий до распада Чехословакии в ней наблюдалась еще одна

позитивная тенденция – резкий рост малых и средних городов с численностью населения от 10 до 100 тыс. человек [37].

В-третьих, не все государства ЦВЕ в послевоенный период слепо копировали советские принципы, методы и инструменты централизованного планирования развития и размещения производительных сил. В каждой стране имелось немало своих специфических региональных проблем. Соответственно, и различия в управлении региональным развитием по отдельным странам были очевидными, и последствия государственного воздействия были неодинаковыми. Даже в широко распространенной в бывших социалистических странах практике административного ограничения роста больших городов были свои особенности и исключения. В качестве примера можно снова обратиться к опыту Чехословакии. В 50-х годах правительство этой страны предприняло ряд мер, направленных на приоритетное развитие менее развитых регионов. В то же время, негативные тенденции, наметившиеся в социально-экономическом развитии Праги, оказались незамеченными. Несмотря на то, что в последующие два десятилетия внимание государства к жилищной, экологическим и другим проблемам столицы явно возросло, в первой половине 80-х годов Прага испытала самый большой после второй мировой войны естественный убыток населения. Сложившаяся ситуация потребовала принятия мер по регулированию миграционных процессов, направленных на стимулирование роста населения Праги [3, 94–109].

Не следует сбрасывать со счетов и тот факт, что в послевоенное время на путь социалистического развития страны ЦВЕ вступили с очень разных стартовых позиций. Одни страны уже имели достаточно высокую долю городского населения: в ГДР в 1950 г. она составляла 70,9%, в Чехословакии – 51,5%. В этих странах еще в довоенное время существовала развитая сеть городских поселений, транспортной и другой инфраструктуры. В других государствах явно преобладало сельское население, густота городских поселений была невысокой, испытывался недостаток крупных и средних городов, способных эффективно выполнять функции региональных и местных административных центров, а также физической инфраструктуры, необходимой для обеспечения надежной связи между

населенными пунктами. В том же 1950 г. в Болгарии городское население составляло всего 27,5% от его общей численности, в Румынии – 34,1% [3, 10]. Если в первой группе стран острее стояли задачи послевоенного возрождения старых городских поселений, совершенствования отраслевой структуры их хозяйства, то во второй – подъема периферийных преимущественно аграрных регионов, формирования новых промышленных центров.

Следует также отметить, что в некоторых государствах ЦВЕ в прошлом на протяжении достаточно длительного периода делались попытки использовать ряд экономических инструментов, которые более характерны для практики решения региональных проблем в Западной Европе. В этом плане интересен опыт Венгрии после реформы 1968 г., где для преодоления чрезмерной концентрации производства в столице был создан фонд децентрализации промышленности Будапешта в структуре центрального фонда территориального развития. Его средства использовались в сочетании с фондами помощи отстающим территориям и районам угледобычи. Отдельные инструменты экономического стимулирования рационального развития производительных сил в рамках долгосрочных региональных программ применялись также в Болгарии и Польше [7, 38].

Однако наиболее ярким примером, относительно длительных поисков некоего симбиоза планового и рыночного подходов к регулированию регионального развития, являлся опыт проведения региональной политики в Социалистической Федеративной Республике Югославии. Сейчас такого государства нет на карте мира, а воспоминания о нем чаще ассоциируются с гражданской войной, проявлениями крайнего национализма, этническими чистками, религиозными конфликтами и т.п. Тем не менее, не следует забывать, что в СФРЮ (до принятия конституции 1963 года носила название Федеративная Народная Республика Югославия) на протяжении нескольких десятилетий удавалось поддерживать достаточно стабильный политический климат. Это особенно было заметно на фоне крайне неустойчивой политической обстановки почти во всех соседних странах: народное восстание 1956 г. в Венгрии, подавленное советскими вооруженными силами; государственный переворот

1967 г. в Греции, в результате которого на семь долгих лет к власти пришла военная диктатура; очень частые правительственные кризисы и деятельность мафии в Италии, длительная самоизоляция Албании и т.д. В те же годы в СФРЮ удавалось поддерживать вполне сбалансированные межнациональные отношения, а по уровню экономического и социального развития это государство занимало далеко не последнее место в Европе, во многом благодаря активной региональной политике, проводимой югославским правительством.

Существовали объективные исторические причины, требовавшие, чтобы региональная политика заняла ключевое положение в СФРЮ. Как известно, Югославия возникла в результате передела политической карты Европы после первой мировой войны и объединила территории, очень сильно отличавшиеся по основным экономическим и социальным показателям: высокоразвитые регионы бывшей австро-венгерской монархии и часть распавшейся полуфеодальной Османской империи. В 20-е годы 64% промышленного производства, 65% банковского капитала и более 67% сельскохозяйственного производства было сконцентрировано на территориях, расположенных севернее рек Сава и Дунай, которые по площади были значительно меньше, чем южная часть страны [25, 15]. В период между двумя мировыми войнами ситуация не изменилась к лучшему, скорее, она даже осложнилась в годы “великой депрессии”.

В результате этих исторических процессов послевоенная Югославия унаследовала от прошлого очень серьезные региональные диспропорции. В Словении объем национального дохода в расчете на душу населения был более чем в три раза выше, чем в Косово, в 2,8 раза больше, чем в Македонии и в 2,4 раза – чем в Черногории. С точки зрения промышленного развития региональные различия были еще более поразительными. Объем условно-чистой промышленной продукции на душу населения, произведенный в Словении, был в 8 раз выше, чем в Черногории, в 7 раз – чем в Македонии, в 3,3 раза – чем в Боснии и Герцеговине. Эти диспропорции сопровождались значительными территориальными различиями в развитии физической инфраструктуры – транспортных, энергетических и

инных коммуникаций. В 1950 г. плотность дорог с твердым покрытием в Словакии была в 64 раза выше, чем в Македонии [25, 15].

Вполне естественно, что для решения этих острых проблем Югославии требовалась очень сильная региональная политика, рассчитанная не на одно десятилетие. Примерно до начала 60-х годов она основывалась на известных средствах и методах централизованного планирования и управления, главным образом, на директивном распределении из центра капитальных вложений, в получении которых приоритет отдавался отсталым регионам, точнее, их промышленному развитию.

С 1961 г., когда в Югославии была упразднена государственная монополия на внешнюю торговлю, отменен контроль профсоюзов над заработной платой, значительная часть инвестиционных ресурсов была передана из центральных или подконтрольных им органов предприятиям и банкам, началось широкое использование рыночных инструментов в региональной политике. Доля капитальных вложений, осуществляемых органами государственного управления на различных уровнях, в общем объеме инвестиций “социализированного” сектора снизилась с 67,2% в 1960 г. до 15,5% в 1970 г., а удельный вес банковских кредитов за тот же период возрос с 0,9% до 51,1%. С целью более широкого использования кредитных инструментов в регулировании регионального развития был создан Федеральный фонд развития слаборазвитых регионов (с 1965 г. – Фонд Федерации для кредитования ускоренного развития экономически слаборазвитых республик и автономных краев), применялся ряд других инструментов, стимулирующих развитие отсталых территорий. В распределении средств этого фонда значительную роль стали играть представители из республик федерации. В этот период некоторые отсталые регионы Югославии для решения своих наиболее острых проблем имели возможность использовать ресурсы международных финансово-кредитных институтов, в частности, Международного банка реконструкции и развития [25, 21, 29].

Специалисты неоднозначно оценивают результаты “рыночного этапа” в югославской региональной политике. Как недостаток отмечается то, что основной объем инвестиционных ресурсов направлялся на строительство в отсталых регионах крупных предприятий

фондоемких отраслей топливно-энергетического комплекса, металлургии, химической промышленности и т.д. Очень малая доля средств выделялась на подготовку и переподготовку персонала. Кроме того, в югославской региональной политике того периода слабо учитывался демографический фактор. В отсталых южных регионах с преимущественно мусульманским населением темпы его роста были значительно выше, чем в более благополучных. Поэтому, судя по основным экономическим показателям, рассчитанным на душу населения, региональные различия не уменьшились. На первый взгляд, можно признать, что основная цель государственного регулирования регионального развития не была достигнута. Тем не менее, вполне очевидно и то, что без активной региональной политики эти различия в СФРЮ неизбежно обострились бы. Вполне возможно, что это могло бы стать причиной роста межнациональных конфликтов на Балканах гораздо раньше, чем они имели место на самом деле.

Вряд ли следует возлагать всю ответственность за низкую результативность югославской региональной политики на то, что в СФРЮ осуществлялся поиск некоего “третьего пути развития” (и рынок и план, или ни рынок, ни план). Опыт соседней Италии (начиная с 50-х годов и, по крайней мере, до середины 80-х годов) показывает, что и в странах с рыночной экономикой имеются примеры неудачной региональной политики [45]. Да и в других государствах Западной Европы на отдельных этапах их развития были откровенные провалы, связанные с использованием рыночного инструментария для целей регулирования регионального развития [6; 27].

Тем не менее, на примере СФРЮ очень хорошо просматриваются действительные, а не желаемые недостатки в преодолении региональных проблем в условиях, когда существует достаточно высокая степень централизации в принятии не только экономических, но и политических решений. Югославский опыт, в особенности в первое послевоенное десятилетие, показывает, что централизованно планируемая экономика, способная в короткие сроки мобилизовать большую часть ресурсов общества, использует их крайне неэффективно. В сглаживании, снижении остроты региональных

проблем появляется соблазн применения относительно простых решений, основанных на экстенсивном использовании основных факторов производства.

Строительство “гигантов индустрии”, в особенности отраслей добывающей промышленности, действительно позволяло в сжатые сроки решить ряд очень важных задач: вовлечь в экономику естественные и трудовые ресурсы проблемных регионов, несколько повысить уровень жизни местного населения, его общеобразовательный и профессиональный уровень. Однако ориентацию на преимущественное использование подобных простых решений применительно к проблемным регионам можно рассматривать как “бомбу замедленного действия”, заложенную под будущим таких районов. Цикличность развития любой экономики (и рыночной, и как показывают последние исследования, централизованно планируемой; и мировой, и национальной, и региональной), неизбежно приводит к ситуации, когда моноотраслевые регионы вновь попадают в положение, когда необходима внешняя помощь. В этот период собственное государство, в силу все той же цикличности, далеко не во всех случаях может обеспечить необходимую поддержку им же рожденному несколько десятилетий назад “иждивенцу”.

В сложившейся в последние годы ситуации практически во всех бывших социалистических странах проявились и другие недостатки, скорее системного характера, нежели, отражающие отдельные просчеты в политике развития и размещения производительных сил. В частности, искажение цен на факторы производства, привело к тому, что не только большинство отдельных предприятий, но и целые регионы могли относительно благополучно развиваться только в условиях замкнутой национальной экономики, в лучшем случае, в рамках социалистической экономической интеграции. После распада СЭВ и СССР, резкого сокращения поставок дешевых топливно-энергетических и других ресурсов с территории бывшего Советского Союза, потери основного объема заказов с Востока на свою продукцию, после того как западные границы стали прозрачными для товаров и услуг, местная экономика многих крупных промышленных центров и районов в странах ЦВЕ оказалась неконкурентоспособной. Экстенсивное использование природных ресур-

сов привело к обострению экологической ситуации в регионах их добычи и переработки. К этому следует добавить, что в централизованной системе распределения и перераспределения финансовых, материальных и других ресурсов, их львиная доля уходила в производство, а социальная сфера снабжалась по “остаточному принципу”.

От этого в большей степени пострадали малые административные единицы, в особенности небольшие городские поселения, село. Жесткая политическая и экономическая централизация сковывала местную инициативу, ограничивала возможности для реализации имеющих объективные особенности интересов и потребностей локальных сообществ, порождала местное иждивенчество, подрывала основы ответственности населения небольших городов и сел за самостоятельное решение большей части своих вопросов. Местное самоуправление в большинстве социалистических стран превратилось в простую вывеску.

В публикациях прошлых лет, включая работы наших западных коллег (см., например: [29, 15]), можно было часто встретить тезис о том, что в условиях централизованной экономики существует больше возможностей для тесной координации экономического и физического планирования (в СССР последнее чаще называлось градостроительное проектирование). Однако опыт советского территориального управления показывает, что на низовых уровнях такая координация также была скорее на бумаге. Анализ практики разработки и корректировки генпланов многих городов и других проектно-планировочных документов показывает, что многие из них имели высокое качество, однако, очень редко были реализованы в более или менее полном объеме из-за недостаточного финансирования. Одна из основных причин этого состояла в том, что проектно-планировочные решения всегда привязывались к конкретным условиям окружающей среды в той или иной административно-территориальной единице, к конкретным потребностям местного населения. В то же время реализация мер, определенных в градостроительной документации, полностью зависела от финансовых, материальных и трудовых ресурсов, которые определялись в планах экономического и социального развития, разрабатываемых на всех

территориальных уровнях. Поскольку в централизованно планируемой экономике в руках государства была сконцентрирована основная масса ресурсов, комплексные планы экономического и социального развития низовых административно-территориальных единиц превращались лишь в свод по территории показателей планов министерств и ведомств, основные интересы которых во многих случаях были весьма далеки от интересов населения небольших городских и сельских поселений.

Разумеется, что перечень примеров и аргументов, свидетельствующих как о положительном, так и об отрицательном воздействии централизованного планирования на развитие региональных и местных сообществ можно продолжить. Представляется, что глубокая и всесторонняя оценка того “наследия”, которое регионы всех стран с переходной экономикой получили из своего социалистического и более отдаленного прошлого, является перспективным направлением дальнейших исследований, которое находится на стыке региональной экономики, экономической географии, экономической истории и других дисциплин. Разработка этого направления может стать сферой плодотворного сотрудничества ученых из разных стран.

7. На пути к новой региональной политике

Вполне естественно, что обострение региональных диспропорций не могло длительное время игнорироваться правительствами стран с переходной экономикой. Как ни странно, но именно эксперты ЕС в начале 90-х годов, констатируя рост проблем регионального развития в ЦВЕ обратили внимание на то, что в государствах этой части континента изменения “требуют, чтобы региональная политика перед лицом растущей безработицы не в последнюю очередь взяла на себя ответственность за содействие социальной сплоченности, а также, чтобы осуществляемые изменения вели к региональной устойчивости” [10, 76].

Следует отметить, что из всей рассматриваемой группы государств, своего рода положительным исключением была Венгрия, в которой с началом радикальных рыночных преобразований внимание к вопросам развития регионов не ослаб. Очевидно, что тот небольшой опыт использования “половинчатых”, квазирыночных методов и инструментов, который был накоплен после реформы 1968 г., имел как минимум один позитивный результат: он оградил венгерских политиков и экономистов от слепой веры в неограниченную силу той “невидимой руки”, о которой писал еще Адам Смит. Этот опыт показал, что отношения в современной рыночной экономике гораздо сложнее и богаче, чем были не то что 200 лет назад, а даже в начале этого века. Борьба с ростом региональных диспропорций, подрывающим экономические и социальные основы территориальной целостности страны, является одной из защитных функций большинства современных государств.

Скорее всего, в Венгрии интерес к регулированию регионального развития в конце 80-х – начале 90-х годов не только не ослаб, а даже усилился, о чем может свидетельствовать создание в 1990 г. Министерства окружающей среды и региональной политики. В соответствии с положением, определяющим компетенцию этого органа государственного управления, его функции состоят в “руководстве, организации и контроле за разработкой проектов развития отсталых ареалов, кризисных регионов, высокоприоритетных зон рекреации, приграничных регионов и других проблемных регионов и использованием выделенных для этих проектов финансовых ресурсов” (цит. по: [8, 264]).

К настоящему времени в большинстве стран с переходной экономикой, в особенности тех, которые расположены в ЦВЕ, ситуация в области регулирования регионального развития сильно изменилась в лучшую сторону и продолжает улучшаться. В перечне приоритетов национальных правительств региональная политика занимает не первое, но уже далеко не последнее место. Во многих странах создана достаточно развитая законодательная база для ее проведения, определены объекты, инструменты и формы государственного регулирования регионального развития (осуществлено проблемное районирование национальной территории, созданы раз-

личные фонды и сети агентств содействия региональному развитию и т.п.). В некоторых странах происходит концентрация функций в области регулирования регионального развития в рамках 1–2 органов государственного управления.

Во многих странах с переходной экономикой становление новой региональной политики на национальном (центральном, федеральном) уровне тесно переплетается с реформами в области местного самоуправления (структурными, организационными, финансовыми, административно-территориальными). С одной стороны, точнее сверху, государство сознательно идет на экономическую и политическую децентрализацию (в форме деконцентрации, делегирования, деволюции). Оно уходит от мелочной опеки региональных и локальных сообществ и мобилизует свои более ограниченные в современных условиях ресурсы на решение наиболее острых проблем, имеющих ярко выраженную региональную привязку и границы, но затрагивающих интересы многих региональных и местных сообществ и государства в целом. С другой стороны (снизу), население административно-территориальных единиц, а также органы, выражающие и отстаивающие их интересы, расширяют свою деятельность в решении вопросов местного масштаба. Более того, региональные и местные органы самоуправления, различные ассоциации и союзы, в которые они постепенно объединяются, все более широко вовлекаются непосредственно в процесс разработки государственной региональной политики. В каждой из стран эти процессы, свидетельствующие о демократизации общества, имеют свою специфику. В одних государствах реформы местного самоуправления, носившие на первом этапе противоречивый, а в отдельных случаях и откровенно стихийный характер, как бы предваряли рождение новой государственной региональной политики. В других преобразования были инициированы и проводятся (либо планируются) в иной последовательности. Тем не менее, тесная связь этих двух процессов в странах с переходной экономикой вполне очевидна и является одной из отличительных характеристик современного этапа их развития.

ПРИМЕЧАНИЕ

В докладе использованы результаты, полученные автором в 1996 – 1997 гг. при проведении исследовательских работ по проекту “Сравнительный анализ государственной региональной экономической политики в странах с рыночной и переходной экономикой” [16]. Проект осуществлен в рамках Программы TACIS ACE 1995 Европейского союза. Автор выражает благодарность Европейской комиссии за конкурсный отбор и финансирование данного проекта. Департамент географии Университета Дарема (Великобритания) предоставил для проведения исследований прекрасные организационные, технические и информационные возможности. Поэтому слова искренней благодарности также относятся ко всему исследовательскому, преподавательскому и техническому персоналу этого Департамента, в особенности профессору Р.Хадсону, профессору А.Амину, доктору Р.Эллисону, доктору И.Эвансу, а также г-же Дж.Кенворси, г-же Дж.Дрессер, г-же Э.Уилкинсон, г-ну Д.Худспесу, г-ну К.Маллэни и г-ну М.Скотту за их неоценимую помощь при проведении исследований и критические замечания по заключительному отчету.

Литература

1. Данилов А.Н. Переходное общество: Проблемы системной трансформации.– Минск: Университетское, 1997.
2. Корнилов Л. Начался новый “раздел Польши” // Известия.– 1998.– 20 марта.
3. Миграция населения в больших городах СССР и стран Восточной Европы / Под ред. В.Мировски, Г.Морозовой.– М.: Наука, 1990.
4. Обзор экономического положения Европы в 1994–1995 годах. Европейская экономическая комиссия ООН.– Нью-Йорк и Женева, 1995.
5. Рынок труда и социальная политика в Центральной и Восточной Европе: Переходный период и дальнейшее развитие / Под ред. Николаса Барра.– М.: ИКЦ “ДИС”, 1997.
6. Фатеев В.С. Развитие британской региональной политики // Проблемы региональной экономики.– 1998.– № 1–2.–С. 99–116.
7. Экономические методы регулирования развития крупных городов / Под ред. М.Н.Межевича и др.– Л.: Наука, Ленингр. отд-е, 1990.
8. Alden, J. and Boland, P. (eds) (1996) *Regional Development Strategies: a European Perspective.*(Regional Policy & Development Series; v. 15). London, Bristol, Pennsylvania: Jessica Kingsley Publishers.
9. Biuletyn Statystyczny / Główny Urząd Statystyczny, Miesięcznik. Warszawa (за 1994–1996 годы).
10. Commission of the European Communities (CEC) (1991). Directorate-General for Regional Policies. ‘The Regions in the 1990s.’ Fourth Periodic Report on the

Social and Economic Situation and Development of the Regions of the Community. Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities.

11. Dembowska, Z. (1994) *Obszary Problemowe w Polsce*. Warszawa: Agencja Wydawnicza Instytutu Gospodarki Przestrzennej i Komunalnej, 1994.

12. EBRD (1997) *Transition Report 1997*. London: European Bank for Reconstruction and Development.

13. European Commission (1994) 'Competitiveness and cohesion: trends in the regions.' *Fifth Periodic Report on the Social and Economic Situation and Development of the Regions in the Community*. Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities.

14. European Commission (1994) *Europe 2000+: Cooperation for European Territorial Development*. Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities.

15. European Commission (1996) *The Impact of the Development of the Countries of Central and Eastern Europe on the Community Territory*. (Regional Development Studies, 16). Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities.

16. Fateyev, V. (1997) *Comparative Analysis of the Government Regional Economic Policies in the Countries with Market and Transition Economies: Final Research Report*. Tacis ACE Programme 1995, Project T95-4618-F. Durham, Minsk: Department of Geography, University of Durham (Great Britain) and Institute of Economics, Belarusian Academy of Sciences (Belarus). May 1997.

17. Fischer, S., Sahay, R., Végh, A. (1996) 'Stabilization and Growth in Transition Economies: The Early Experience.' *Journal of Economic Perspectives* **10** (2): 45–66.

18. Gorzelak, G. (1996) *The Regional Dimensions of Transformation in Central Europe*. (Regional Policy & Development Series; v. 10). London, Bristol, Pennsylvania: Jessica Kingsley Publishers.

19. Hardy, S., Hard, M., Albrechts, L., and Katos, A. (eds) (1995) *An Enlarged Europe: Regions in Competition?* (Regional Policy & Development Series; v. 6). London, Bristol, Pennsylvania: Jessica Kingsley Publishers.

20. Horne, J. (1995) 'The Economics of Transition and the Transition of Economies.' *The Economic Record* **71** (215): 379–392.

21. IMF (1996) *World Economic Outlook*. May 1996. Washington, D.C.: International Monetary Fund.

22. IMF (1996) *World Economic Outlook*. October 1996. Washington, D.C.: International Monetary Fund.

23. Ingham, M. and Grime, K. (1994) 'Regional Unemployment in Central and Eastern Europe.' *Regional Studies* **28** (8): 811–817.

24. Jackman, R. (1995) 'Regional Policy in an Enlarged Europe.' *Oxford Review of Economic Policy* **11** (2): 113–125.

25. Kozłowski, S. G. (1994) 'Evolution of the Regional Policy of Yugoslavia (1945–1990).' *Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska, Sectio H, Vol. XXVIII*: 13–43.

26. Myant, M. (1995) 'Transforming the Czech and Slovak Economies: Evidence at the District Level.' *Regional Studies* **29** (8): 753–760.
27. Parsons, D.W. (1986) *The Political Economy of British Regional Policy*. London: Croom Helm.
28. Smith, A. (1995) 'Regulation Theory, Strategies of Enterprise Integration and the Political Economy of Regional Economic Restructuring in Central and Eastern Europe: The Case of Slovakia.' *Regional Studies* **29** (8): 761–772.
29. UN / ECE (1966) *Regional Physical Planning*. N.Y.
30. UN / ECE (1990) *Economic Survey of Europe in 1989–1990*. N.Y.: United Nations Publications. No. E.90.II.E.1.
31. UN / ECE (1993) *Economic Survey of Europe in 1992–1993*. N.Y.: United Nations Publications. No. E.93.II.E.1.
32. UN / ECE (1994) *Economic Survey of Europe in 1993–1994*. N.Y. and Geneva: United Nations Publications. No. E.94.II.E.1.
33. UN / ECE (1996) *Economic Survey of Europe in 1995–1996*. N.Y. and Geneva: United Nations Publications. No. E.96.II.E.1.
34. UN / ECE (1997) *Economic Survey of Europe in 1996–1997*. N.Y. and Geneva: United Nations Publications. No. E.97.II.E.1.
35. UN / ECE (1997) *Human Settlements Trends in Central and Eastern Europe*. N.Y. and Geneva: United Nations Publications. No. E.97.II.E.11.
36. UN / UNDP (1996) *Human Development Report. Bulgaria 1996* (<http://www.undp.org/undp/rbec/nhdr/1996/bulgaria/>).
37. UN / UNDP (1996) *Human Development Report. Czech Republic 1996* (<http://www.undp.org/undp/rbec/nhdr/1996/czech/>).
38. UN / UNDP (1996) *Hungary. Human Development Report 1996* (<http://www.undp.org/undp/rbec/nhdr/1996/hungary/>).
39. UN / UNDP (1996) *Lithuanian Human Development Report 1996* (<http://www.undp.lt/HDR/1996/>).
40. UN / UNDP (1996) *Slovak Republic. Human Development Report 1995* (<http://www.undp.org/undp/rbec/nhdr/1996/slovak/>).
41. UN / UNDP (1997) *Estonian Human Development Report 1997* (<http://www.ciesin.ee/undp/nhdr97/eng/>).
42. UN / UNDP (1997) *Human Development Report 1997*. N.Y., Oxford: Oxford University Press.
43. UN / UNDP (1997) *National Report on Human Development: The Changing Role of the State – Poland '97*. Warsaw: UNDP, Centre for Social and Economic Research.
44. UN / UNDP (1997) *Latvia. Human Development Report 1997* (<http://www.undp.riga.lv/hdrs/1997/>).
45. Wislade, F. (1996) 'A New Era in Italian Regional Policy.' *Regions: The Newsletter of the Regional Studies Association* **206**: 13–20.

Таблица 1

**Экономическая активность
в странах с переходной экономикой, 1989–1996 годы**
(изменения ВВП или ЧМП* в процентах по сравнению с
аналогичным периодом прошлого года)

	1989	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996
Албания	11,7 ^a	-13,1 ^a	-27,7	-9,7	10,9	9,4	8,6	...
Болгария	-0,3 ^a	-9,1	-11,7	-7,3	-1,5	1,8	2,1	-10,0
Босния и Герцеговина	...	1,6 ^a
Венгрия	0,4	-3,3	-11,9	-3,0	-0,8	2,9	1,5	0,5
БЮР Македония	...	-10,2 ^b	-12,1 ^b	-13,4 ^b	-14,1 ^b	-7,2 ^b	-2,9 ^b	1,6 ^b
Польша	0,2	-11,6	-7,0	2,6	3,8	5,2	7,0	6,0
Румыния	-5,8	-8,2	-12,9	-8,8	1,5	3,9	7,1	4,1
Словакия	1,1	-2,5	-11,2	-7,0	-4,1	4,9	6,8	6,9
Словения	-0,5	-4,7	-8,1	-5,4	1,3	5,3	3,9	3,5
Чешская Республика	2,4	-1,2	-14,2	-6,4	-0,9	2,6	4,8	4,4
Хорватия	-1,5 ^b	-8,5 ^b	-20,9	-9,7	-3,7	0,6	1,7	4,4
Югославия (СР)	-1,9 ^b	-8,4 ^b	-11,2 ^b	-26,2 ^b	-27,7 ^b	2,5 ^b	6,0 ^b	4,3 ^b
Восточная Европа	-1,4	-7,9	-11,5	-5,7	-1,6	3,9	5,6	4,0
СПЭЦЕ**	...	-7,5	-9,5	-0,9	1,5	4,5	5,7	5,0
Армения	8,4 ^a	-8,2 ^a	-8,8	-52,3	-14,6	5,4	6,9	4,0
Азербайджан	-8,9 ^a	-11,3 ^a	-0,7	-22,6	-23,1	-19,7	-12,0	1,0
Беларусь	8,2 ^a	-3,2 ^a	-1,2	-9,6	-10,6	-12,6	-10,0	3,0
Грузия	-3,4 ^a	-4,3 ^a	-20,1	-40,3	-39,4	-30,0	2,4	11,0
Казахстан	-0,1 ^a	-0,9 ^a	-11,8	-13,0	-12,9	-18,8	-8,9	0,5
Кыргызстан	4,5 ^a	4,8 ^a	-4,2	-13,9	-15,5	-20,1	-5,4	6,0
Молдова	8,8 ^a	-1,5 ^a	-18,7	-29,1	-1,2	-31,2	-3,0	-8,0
Россия	1,6 ^a	-2,0	-12,8	-14,5	-8,7	-12,7	-4,2	-6,0
Таджикистан	-6,5 ^a	0,2 ^a	-8,4 ^a	-31,0 ^a	-17,3	-12,7	-12,4	-17,0
Туркменистан	-7,0 ^a	1,8 ^a	-4,7 ^a	35,7 ^a	10,0 ^a	-18,0 ^a	-16,0 ^a	...
Узбекистан	3,1 ^a	4,3 ^a	-0,5	-11,1	-2,4	-5,2	-1,2	2,0
Украина	5,0 ^a	-3,6 ^a	-11,6	-13,7	-14,1	-22,9	-11,8	-10,0
СНГ	2,3^a	-3,4^a	-11,5	-14,8	-10,1	-14,5	-5,7	-5,3
Латвия	7,4 ^a	-2,7	-10,4	-34,9	-14,9	0,6	-1,6	2,5
Литва	1,6 ^a	-6,9	-13,1	-39,3	-30,4	1,0	3,0	4,0
Эстония	6,6	-8,1	-10,0	-14,1	-8,6	-2,7	2,9	3,5
Балтийские государства	...	-3,9	-11,5	-32,5	-20,6	-0,2	1,4	3,4
Итого все страны с переходной экономикой	...	-4,8	-11,6	-12,6	-7,9	-8,5	-1,6	-1,6

К таблице 1:

* в большинстве случаев приведены данные о годовых темпах прироста валового внутреннего продукта (ВВП), если в ссылке не указан чистый материальный продукт (ЧМП) или иной показатель.

** СПЭЦЕ – группа стран с переходной экономикой Центральной Европы, в которую ЕЭК ООН включает Чешскую Республику, Венгрию, Польшу, Словакию. С 1994 г. данные по этой группе приводятся с учетом Словении.

^a Чистый материальный продукт (произведенный).

^b Валовой материальный продукт (добавленная стоимость, созданная в сфере материального производства, включая амортизацию).

Примечание: К приведенным в этой и следующих двух таблицах данным следует относиться с осторожностью и рассматривать их только как порядковые, а не точные значения показателей. Это связано с известными методологическими и методическими сложностями проведения межстрановых сопоставлений по данным национальных статистических служб.

Источники: составлено автором по данным [4, 94-95, 112; 31, 73; 32, 52; 33, 54; 34, 60].

Таблица 2

Валовой объем промышленного производства в странах с переходной экономикой, 1989-1996 годы

(изменения в процентах по сравнению с аналогичным периодом прошлого года)

	1989	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996
Албания	5,0	-7,5	-41,9	-60,0	-10,0	-18,6	-7,2	...
Болгария	2,2	-17,2	-22,2	-15,9	-10,9	8,5	5,4	-1,0
Босния и Герцеговина	...	0,9	-16,2	60,0
Венгрия	-2,5	-4,5	-19,1	-9,7	4,0	9,5	4,6	3,3
БЮР Македония	...	-11,0	-17,2	-15,6	-13,8	-10,6	-9,8	3,2
Польша	-0,5	-24,2	-11,9	3,9	6,4	11,9	9,4	9,1
Румыния	-2,1	-19,0	-22,8	-21,9	1,3	3,3	9,4	9,8
Словакия	-1,3	-4,0	-17,6	-14,1	-10,6	4,6	8,2	2,5
Словения	1,1	-10,5	-12,4	-13,2	-2,8	6,4	2,0	1,0
Чешская Республика	1,7	-3,3	-24,4	-7,9	-5,3	2,1	9,2	6,8
Хорватия	-1,0	-11	-28,5	-14,6	-5,9	-2,7	0,3	3,1
Югославия (СР)	1,0	-11,7	-17,6	-21,4	-37,3	1,2	3,8	6,8
Восточная Европа	-0,5	-15,1	-18,5	-10,2	-3,5	6,7	7,6	7,2
СПЭЦЕ*	...	-15,3	-16,0	-2,1	1,9	9,3	8,4	7,3
Армения	-8,3	-7,5	-7,7	-48,2	-10,3	5,3	2,4	1,0
Азербайджан	0,7	-6,3	4,8	-23,7	-7,0	-22,7	-17,2	-6,7
Беларусь	4,6	2,1	-1,0	-9,7	-7,4	-17,1	-11,7	3,2
Грузия	0,7	-5,7	-22,6	-45,8	-26,6	-39,7	-9,8	7,7
Казахстан	2,5	-0,8	-0,9	-13,8	-14,8	-28,1	-8,2	0,3
Кыргызстан	5,2	-0,6	-0,3	-26,4	-25,3	-28,0	-17,8	10,8
Молдова	5,7	3,2	-11,1	-27,1	0,3	-27,7	-3,9	-8,5
Россия	1,4	-0,1	-8,0	-18,0	-14,1	-20,9	-3,3	-5,0
Таджикистан	1,8	1,2	-3,6	-24,2	-7,8	-25,4	-5,1	-19,8
Туркменистан	3,3	3,2	4,8	-14,9	4,0	-24,7	-6,4	17,9
Узбекистан	3,6	1,8	1,5	-6,7	3,6	1,6	0,1	6,0
Украина	2,8	-0,1	-4,8	-6,4	-8,0	-27,3	-12,0	-5,1
СНГ	1,9	-1,1	-7,8	-18	-12	-21,5	-5,8	-3,4

Продолжение таблицы 2

	1989	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996
Латвия	3,1	-0,2	-0,7	-34,6	-32,3	-6,8	-6,3	0,7
Литва	4,2	-2,8	-3,5	-30,0	-34,5	-28,0	6,2	2,8
Эстония	0,7	-5,6	-7,2	-38,9	-29,1	-2,0	1,9	1,1
Балтийские государства	...	-2,5	-3,4	-33,4	-32,6	-15,7	0,6	1,7
Итого все страны с переходной экономикой	...	-3,6	-9,0	-14,9	-10,5	-14,7	-1,7	0,2

* СПЭЦЕ – группа стран с переходной экономикой Центральной Европы, в которую ЕЭК ООН включает Чешскую Республику, Венгрию, Польшу, Словакию. С 1994 г. данные по этой группе приводятся с учетом Словении.

Источники: составлено автором по данным [4, 112; 31, 73; 32, 52; 33, 54; 34, 60].

Таблица 3

Страны с переходной экономикой: динамика индекса потребительских цен*, 1989–1996 годы

(изменения в процентах по сравнению с аналогичным периодом предшествующего года)

	1989	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996
Албания	35,5	193,1	85,0	21,5	8,0	...
Болгария	9,2	50,6	338,5	91,3	72,9	96,2	62,1	123,1
Босния и Герцеговина	36,8	594,0	116,2	64218,3	38825,1	553,5	-12,1	-21,2
Венгрия	17,0	28,9	35,0	23,0	22,6	19,1	28,5	23,6
БЮР								
Македония	1246,0	608,4	114,9	1505,5	353,1	121,0	16,9	4,1
Польша	264,3	585,8	70,3	45,3	36,9	33,2	28,1	19,8
Румыния	1,1	5,1	170,2	210,7	256,2	137,1	32,2	38,8
Словакия	1,3	10,4	61,2	10,2	23,1	13,4	10,0	6,0
Словения	1285,3	549,7	117,7	201,3	31,8	19,8	12,6	9,7
Чешская Республика	1,4	9,7	56,6	11,1	20,6	10,0	9,1	8,9
Хорватия	1200,0	609,5	123,0	663,6	1516,6	97,5	2,0	3,6
Югославия	1265,0	580,0	122,0	8880,1	2,2E+14	7,9E+10	71,8	90,5
Латвия	5,2	10,9	172,2	951,2	109,1	35,7	25,0	17,7
Литва	2,2	9,1	216,4	1020,5	410,1	72,0	39,5	24,7
Эстония	4,0	18,0	202,0	1078,2	89,6	47,9	28,9	23,1
Армения	0,8	6,9	140,0	728,7	3731,8	4964,0	175,5	18,7
Азербайджан	0,5	6,1	111,5	912,6	1129,7	1663,9	411,5	19,8
Беларусь	1,7	5,5	98,6	971,2	1190,9	2219,6	709,3	52,7
Грузия	0,9	4,2	78,7	1176,9	4084,9	22470,0	177,6	39,0
Казахстан	1,8	5,6	78,7	1504,3	1662,7	1879,5	175,9	39,1
Кыргызстан	1,6	5,5	113,9	854,6	1208,7	278,1	42,9	30,3
Молдова	1,1	5,7	114,4	1308,0	1751,0	486,4	29,9	23,5
Россия	2,5	5,3	100,0	1528,7	875,0	309,0	197,4	47,8

Продолжение таблицы 3

	1989	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996
Таджикистан	1,7	5,9	112,9	822,0	2884,8	350,3	682,1	422,4
Туркменистан	2,5	5,7	112,4	769,9	1630,5	2714,0
Узбекистан	0,7	5,8	97,3	414,5	1231,8	1550,0	315,5	...
Украина	2,0	5,4	94,0	1209,6	4734,9	891,2	376,7	80,2

* Для стран СНГ показаны изменения в процентах индекса розничных цен.

Источники: [4, 151; 34, 230].

Таблица 4

**Изменение удельного веса сектора услуг в ВВП по странам
с переходной экономикой, 1991–1996 годы (в процентах)**

	1991	1992	1993	1994	1995	1996
Албания	18,3	21,3	21,5	22,5
Болгария	48,2	47,5	54,4	55,6	52,5	57,7
Венгрия	57,1	59,6	61,9	62,8	61,0	...
БЮР Македония	49,3	42,7	50,6
Польша	49,1	49,3	50,0	50,3	50,9	...
Румыния	36,3	39,5	38,1	35,0	36,9	36,0
Словакия	34,2	49,5	58,1	55,3	56,4	60,5
Словения	50,3	54,0	56,8	56,0	57,9	56,7
Чешская Республика	39,8	45,8	51,3	53,5	53,4	53,8
Хорватия	59,9	58,6	59,1	60,9
Латвия	32,9	47,5	53,2	59,3	57,2	58,4
Литва	29,6	39,7	50,8	58,2	55,0	52,0
Эстония	34,9	49,4	57,9	59,3	63,7	63,4
Армения	25,9	30,8	22,0	20,7
Азербайджан	35,9	33,2	41,4	43,2	49,1	...
Беларусь	30,1	31,6	46,2	51,6	54,6	...
Грузия	34,3	24,6	15,1	33,9	32,7	43,9
Казахстан	35,5	32,6	41,8	49,5	54,3	60,2
Кыргызстан	27,2	21,8	27,3	34,3	32,9	39,2
Молдова	34,9	27,8
Россия	37,3	51,4	48,9	51,1	50,3	52,7
Таджикистан	...	30,6	30,7	34,4	35,2	...
Узбекистан	25,9	28,4	40,8	41,3	47,3	...
Украина	27,9	31,6	45,9	40,2	40,1	...

Источник: [34, 89–90].

Таблица 5

**Уровень региональной безработицы в некоторых странах
Центральной и Восточной Европы, 1990 и 1993 гг.
(в процентах)**

	средний уровень по стране	интервал вариации уровня безработицы по регионам	коэффициент вариации
<i>1990 г.</i>			
Болгария	1,5	1,0 – 2,4	29,45
Венгрия	1,0	0,3 – 2,0	54,92
Польша	6,1	4,0 – 9,5	24,89
Румыния	3,0	1,8 – 4,7	29,84
Словакия	0,6	0,3 – 1,3	51,21
Чешская Республика	0,3	0,2 – 0,5	28,34
<i>1993 г.</i>			
Болгария	15,7	8,8 – 20,9	24,70
Венгрия	13,4	9,8 – 22,5	29,02
Польша	14,8	9,9 – 20,4	21,99
Румыния	8,4	5,5 – 11,9	23,74
Словакия	12,5	4,3 – 14,9	36,64
Чешская Республика	2,6	1,3 – 4,6	39,37

Источник: [23, 813].

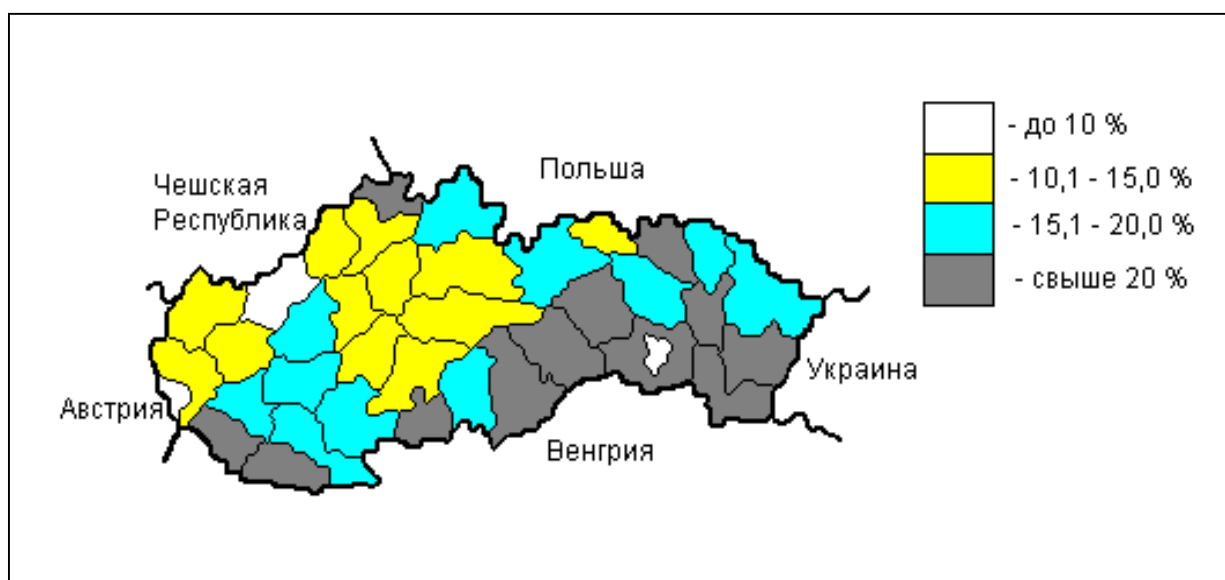

Рис. 1. Уровень безработицы в регионах Словакии, июнь 1994 г.

Источник: [26, 757].

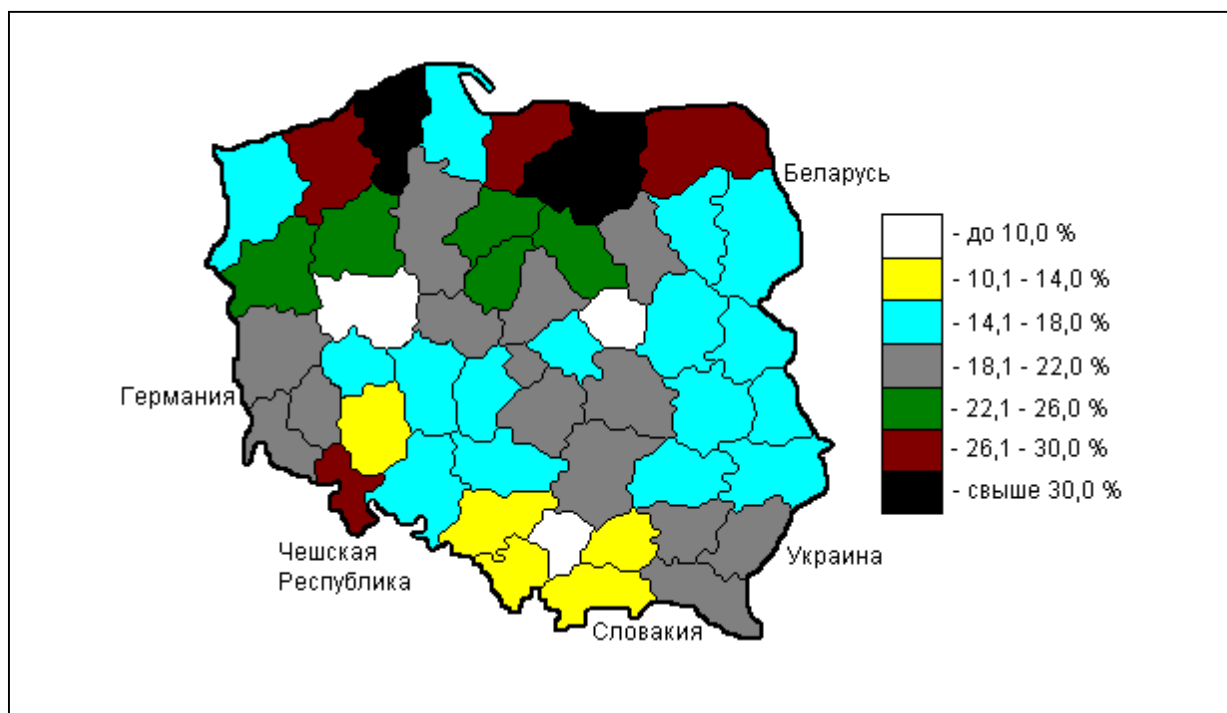

Рис. 2. Уровень безработицы в воеводствах Польши, июль 1994 г.
 Источник: составлено по данным [9].

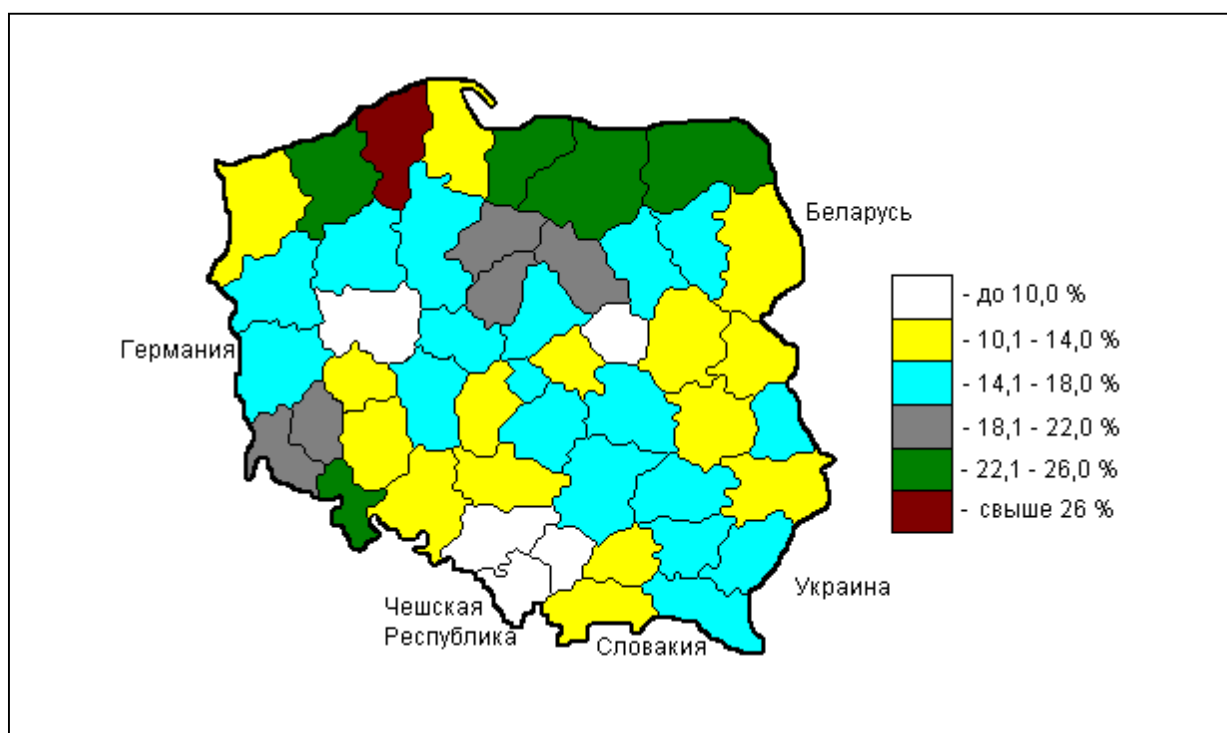

Рис. 3. Уровень безработицы в воеводствах Польши, август 1996 г.
 Источник: составлено по данным [9].

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. ВВЕДЕНИЕ	3
2. ТИПОЛОГИЯ СТРАН С ПЕРЕХОДНОЙ ЭКОНОМИКОЙ.....	4
3. ПЕРВЫЕ ПРИОБРЕТЕНИЯ И ПОТЕРИ НА ПУТИ К РЫНКУ	7
4. РЕГИОНАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ: ДИСКУССИИ, МНЕНИЯ, ОЦЕНКИ	15
5. ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РЕГИОНАЛЬНОМ РАЗВИТИИ.....	26
6. РЕАЛЬНОЕ И МНИМОЕ “НАСЛЕДИЕ” ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО ПЛАНИРОВАНИЯ	32
7. НА ПУТИ К НОВОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ	42
ЛИТЕРАТУРА.....	45

В.С.Фатеев

Европейские страны с переходной экономикой:
региональные проблемы и политика

Доклад подготовлен к международной научно-практической конференции
"Региональная политика Украины: научные основы, методы, механизмы",
посвященной памяти академика АН Украины
Подстригача Я.С. (к 70-летию со дня его рождения)
21-23 мая 1998 г., Львов (Украина)

Научное издание

Серия «Экономика»,
приложение к журналу «Право и экономика»

Технический редактор Гавриленко В.Г.

Подписано в печать 24.01.2000 г. Формат 60x84 1/16
Гарнитура Roman Бумага офсетная Усл.печ.л. 3,05 Тираж 100 экз.
220072 г. Минск ул. Сурганова 1, корп. 2
Произведено на оборудовании ПКП «ЮНИЛЭНД»
г. Минск ул. Жилуновича 15-605